

А.Ф. ПАНТЕЛЕЕВ

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
ГЕРОЯ РАССКАЗОВ
МИХАИЛА ЗОЩЕНКО**

МОНОГРАФИЯ

Москва
РИОР

УДК 81+821.161.1
ББК 81:83.3(2Рос)
П16

Автор:

Пантелеев А.Ф. — канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). Автор более 100 печатных работ, в том числе пяти монографий, по современному русскому языку, теории языка и теории перевода

Рецензенты:

Богуславская В.В. — д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва);

Милевская Т.В. — д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский государственный университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

А.Ф. Пантелеев

П16 Речевой портрет героя рассказов Михаила Зощенко : монография / А.Ф. Пантелеев. — Москва : РИОР, 2022. — 89 с. — DOI: <https://doi.org/10.29039/02081-4>

ISBN 978-5-369-02081-4

Монография посвящена исследованию функционирования разноуровневых языковых средств создания речевого портрета «маленького человека» — героя рассказов М.М. Зощенко. Специфика речевого портрета героя сатирических новелл писателя прослеживается на всех уровнях языка — от фонетики до синтаксиса. В речи героя рассказов писателя собрано и обобщено все то, что являлось наиболее ярким, характерным для представителей общества первых лет советской власти.

Книга адресована студентам филологических факультетов, магистрантам, аспирантам, преподавателям высшей школы, а также всем тем, кто интересуется русским языком.

ISBN 978-5-369-02081-4

УДК 81+821.161.1
ББК 81:83.3(2Рос)

© Пантелеев А.Ф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. «Маленький человек» в русской литературе.....	5
1.1. Традиции русской классической литературы и проза Михаила Зощенко.....	5
1.2. Речевой портрет «маленького человека» в русской классической литературе	8
1.3. «Маленький человек» в прозе М. Зощенко.....	11
Глава 2. Речевой портрет героя сатирических рассказов М.М. Зощенко: фонетические и словообразовательные особенности.....	18
2.1. Фонетический уровень речевого портрета героя прозы М.М. Зощенко.....	18
2.2. Морфемный и словообразовательный уровень речевого портрета «маленького человека» в произведениях М.М. Зощенко.....	24
Глава 3. Лексический уровень языковых средств создания речевого портрета «маленького человека» в прозе М. Зощенко.....	37
3.1. Вульгаризмы и просторечия в речи героев М. Зощенко.....	37
3.2. Смещение стилей в речи героя рассказов М.М. Зощенко	40
3.3. Иноязычные слова в речи «маленького человека» в произведениях М. Зощенко	43
3.4. Нарушение норм лексической сочетаемости слов	47
3.5. Фразеологические единицы в речи героев произведений М. Зощенко	54
Глава 4. Грамматические особенности речевого портрета «маленького человека» в творчестве Михаила Зощенко	60
4.1. Морфологический уровень речевого портрета героя произведений Зощенко	60
4.2. Особенности синтаксиса «маленького человека» в рассказах М. Зощенко	73
Заключение.....	83
Библиография.....	88

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография посвящена изучению лингвистической стороны поэтики сатирической прозы М.М. Зощенко, анализу разноуровневых языковых средств, используемых писателем для создания речевого портрета «маленького человека» — главного героя рассказов писателя.

В стилистике, литературоведении она не получила достаточно широкого освещения. Язык произведений писателя-сатирика, безусловно, был изучен многими лингвистами, литературоведами. Однако по-прежнему ощущается необходимость проведения комплексного исследования языка прозы писателя, выявления специфики репрезентации речевого портрета главного героя произведений М.М. Зощенко. Само понятие «речевой портрет» на данный момент недостаточно, на наш взгляд, разработано в лингвостилистике и литературоведении. При этом стоит упомянуть, что в современной лингвистике в целом большое внимание уделяется проблеме функционирования разноуровневых языковых единиц как средств создания образности, характеристики героев произведений. По этой причине нам представляется целесообразным обратиться к анализу средств различных уровней языка, от фонетики до синтаксиса, помогающих автору показать читателю речевой портрет героя-рассказчика как важную составляющую литературного портрета художественного образа.

Делая попытку проведения комплексного исследования специфики разноуровневых средств языка прозы писателя-сатирика, создающих речевой портрет центрального образа, мы считаем важным провести также сравнение данных языковых средств, использующихся в прозе Михаила Зощенко, и фонетических, лексических, грамматических элементов речевого портрета «маленького человека» в творчестве других русских писателей, прежде всего Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Анализируя технику комического, свойственную М.М. Зощенко, можно прийти к выводу: она абсолютно индивидуальна, это оригинальная авторская манера создания речевого портрета героя, практически ничем не похожая на то, что встречается в текстах произведений великих предшественников писателя. Уникальность зощенковского стиля, самобытность реализуемой в творчестве писателя сказовой манеры повествования, комизм характеров и комизм ситуаций — все это представляет, бесспорно, огромный интерес для исследователя прозы Зощенко и находит, правда, в небольшом объеме, отражение на страницах нашей книги, однако подчеркнем: в центре нашего внимания именно разноуровневые языковые средства создания речевого портрета героя-рассказчика в сатирической прозе писателя.

ГЛАВА 1. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОЗА МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

Вопрос о месте М. Зощенко в русской литературной истории был и предметом творческой рефлексии писателя, и предметом научного осмысления, начиная с 20-х годов XX века, в трудах таких выдающихся ученых-филологов, как Ю.Н. Тынянов (Тынянов, 1977), Б.М. Эйхенбаум (Эйхенбаум, 1969), А.Г. Бармин (Бармин, 1928), В.Б. Шкловский (Шкловский, 1928), В.В. Виноградов (Виноградов, 1928), чьи традиции нашли продолжение и развитие в работах М.О. Чудаковой (1978; 1979; 1990), А.К. Жолковского (Жолковский, 1999), Б.М. Сарнова (Сарнов, 1996), Ю.В. Томашевского (Томашевский, 1987), М.Б. Крепса (Крепс, 1986), А.И. Куляпин (Куляпин, 2002) и многих других исследователей языка и стиля Михаила Зощенко. Мы же попытаемся обозначить значимость места Зощенко в русской литературе.

Сегодня нельзя ощущать явную недостаточность характеристики писателя как «сатирика» и «обличителя», независимо от того, что полагается предметом «обличения» — «пережитки прошлого» и «мещанство» (согласно официальной советской литературоведческой конъюнктуре) или же явление «советского хама», «кидотиизм социализма» и все то же «мещанство» (согласно западной славистической и нашей нынешней научно-практической конъюнктуре). Мы склонны разделять точку зрения, по которой Зощенко не только обличитель и больше, чем сатирик. За этим стоит закономерность более широкого плана: роль смехового начала в русской литературе несводима к негативным, обличительно-сатирическим целям.

Комические приемы нередко выполняют позитивно-созидательную функцию, помогают моделировать авторские духовные идеалы. Смех, на наш взгляд, активно участвует в выработке новых, эстетически продуктивных конструкций — сюжетных, образных и особенно языковых (Борев, 1970). Причем неизменной плодотворностью обладает в русской литературе сама неопределенность, подвижность границ «смешного» и «серьезного», что дает большие возможности для обретения художественного двуглосия, для парадоксального сцепления антонимических смыслов, для построения сложного диалога. Безусловно, писатель, который сумел удачно использовать в своем произведении этот прием, является мастером слова, знатоком языка.

Использование приемов комического в целях раскрытия авторского мировоззрения было характерно для многих представителей русской литературы. Неслучайно будет сказано, что в формировании ма-

неры Зощенко как писателя имели большое значение произведения Гоголя, Достоевского, Лескова, Чехова и представителей сказовой литературы начала XX века, а также устное народное творчество.

Автор, разрабатывая оригинальную форму собственно рассказа, учитывал все основные предшествующие традиции: фольклорную, классическую, сатирическую. Зощенко, как и Булгаков, стал не просто писателем комического слога, но и комических положений (Ярмилов, 1980). Форма его произведений — это своеобразный синтез сказа и сатирической новеллы (Сухих, 1998; Яхияева, 2019). Именно в особенностях формы наиболее четко видна опора писателя на традиции предшествующей литературы (Скороспелова, 1979; 1985). В этом плане художник слова выбрал самые яркие примеры сказа и языковых особенностей сатирических и юмористических произведений классики.

Прежде всего, следует отметить влияние Гоголя на творческий метод Зощенко. Гоголь был величайшим мастером сказа. Каждый штрих его сатирических образов, каждый поворот комической ситуации опирались на тщательно отобранное живое слово, почерпнутое из кладовых разговорной речи (Белая, 2001). В этом умении раскрыть национально-русское — одна из главных причин обаяния и неотразимости гоголевского юмора.

«Право, пора знать уже, — писал Гоголь в «Петербургских записках 1836 года», — «что одно только верное изображение характеров, не в общих вытверженных чертах, но и их национально вылившейся форме, поражающей нас своей живостью, так, что мы говорим: «да, это, кажется, знакомый человек», — только такое изображение приносит существенную пользу». В этих словах, на наш взгляд, звучит один из основных художественных принципов М. Зощенко.

Разлив народно-бытовой лексики, стремление максимально демократизировать язык — характерные особенности сказового стиля «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; это было бесспорным новшеством в литературе того периода. Речь Рудого Панько, персонажей «Вечеров» изобилует просторечиями, диалектизмами, использование которых тем не менее оправдано желанием автора создать образы людей из определенной социальной среды, с определенным уровнем развития («глаза его выпялились», «будь я собачий сын»).

Творчество Лескова также оказало большое влияние на Зощенко. В произведениях Лескова порой наблюдается явно стилизованная игра «самоцветным русским словом». Наряду с воссозданием говора русской провинции второй половины XIX века автор широко пользуется и приемами народной этимологии («мелкоскоп», «долбица умножения») и собственными авторскими новообразованиями, построенными с учетом необычных смысловых ассоциаций («кацапузия», «револьвер барбос» и др.). В произведениях этого писателя наблюдается и стилизованная смесь иностранных слов с просторечными выражениями. Например, в произведении «Левша»:

«Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру. Где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозорий. Начиная с самой огромнейшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазом видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом» (Лесков. Левша).

Здесь: 1. Нимфозория — слово образовано от «нимфа» и «инфузория», т.е. нечто диковинное, микроскопическое.

2. Керамиды (искаженное) — пирамиды.

Важно отметить, что смешение стилей с целью создания народного речевого образа происходит на разных уровнях языка: это и фонетика (керамиды — пирамиды), морфемика (закожная — подкожная), лексика (слово «угрызение» со связанным значением входит только в устойчивое выражение «угрызение совести», а здесь «угрызение блохи» вместо «кукусы»), синтаксис (избыточность смысла словосочетания — «глазом видеть», «самой огромнейшей») и т.д. и т.п.

Позже мы проследим те же тенденции в манере создания речевого образа и у Зоценко. Этот писатель опирается на существовавший в литературе прототип «маленького человека».

Мы убеждаемся, что Лесков мастерски разработал народную манеру сказа и нарисовал портрет рассказчика — человека из народа, образ которого намеренно не проглядывается сквозь ткань повествования. При таком расположении образов между читателем и повествователем нет третьего лица. Так же расположен рассказчик в канве повествования и у Зоценко. У представителей более позднего этапа в русской литературе, Лейкина и Горбунова, автор — рассказчик отчетливо ощутим, но роль его ограничена чисто пародийными функциями.

У Зоценко же сказ имеет не только пародийный характер, не сводится к тому, чтобы выявить противоречия между истинными общественно-культурным уровням человека и тем, за кого он себя выдает (Белая, 1989). Зоценко делает эту форму очень емкой и художественно выразительной. Герой-рассказчик у писателя только говорит. И автор не усложняет структуру произведения дополнительными описаниями деталей (Харитонов, 2001). Однако посредством сказовой манеры отчетливо передается и жест героя, и оттенок голоса, и его психическое состояние, и отношение автора к рассказываемому (Яновская, 1983).

Так мы видим, что творческие принципы в плане создания полной художественно-языковой формы произведений и их емкого идейного содержания у М. Зоценко опираются на достижения Гоголя и Лескова в развитии сказовой манеры, ее языковых особенностей. Но стиль художника слова отличается от творческой манеры этих и других писателей. То, чего другие авторы добивались введением дополнительных художественных деталей, Зоценко достиг манерой сказа — краткой, предельно сжатой фразой и в то же время полным отсутствием «сухо-

сти». Сюжет, образный строй и стиль (сказовое начало) составляют у Зошенко неразделимое целое.

1.2. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Представляется очень значимым для данной монографии рассмотрение типических черт речевого портрета «маленького человека» в русской классической литературе. Это можно объяснить тем, что основа своеобразия речевого портрета «маленького человека» в произведениях Зошенко была заложена ранее.

В создании образа подобного героя с течением литературного процесса происходили некоторые перемены, наблюдались признаки эволюции. Так, еще пушкинский Самсон Вырин открыл галерею подобных образов в русской литературе. Однако более интересен в плане речевого портрета другой персонаж литературы первой половины XIX века — Акакий Акакиевич Башмачкин, образ, созданный Н.В. Гоголем в «Шинели». Это классический образ обездоленного, униженного человека. Герой повести Гоголя мало «мыслит», весь его характер раскрывается в поступках. Очень редки его монологи: «Ну нет, теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... Жена, видно, как-нибудь поколотила его. (...) ...а в это время я ему гривеннички того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда того...» (Гоголь. Шинель).

Обращают на себя внимание многочисленные повторы, использование слов-паразитов, отсутствие связности речи героя. После знакомства со скудными монологами Башмачкина становится понятно, чего стоит герою Гоголя выдавливать из себя слова, пытаться не испытывать страх перед собеседником: «А вот того, Петрович, ...шинель-то, сукно, ...вот видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте того...на спине...» (Гоголь. Шинель).

Речевая характеристика этого персонажа очень яркая, она создает эффект комического (Слонимский, 1923). Наличие слов с неопределенной семантикой указывает на то, что речь довольно трудно дается говорящему. Нарушения логики, множество пауз в речи, пропуски слов информируют читателя о том, что говорящий сам еще не знает, как нужно построить свою речь. Башмачкин очень волнуется в момент разговора с собеседником, у гоголевского персонажа скудный словарный запас, поэтому ему не хватает слов для передачи мыслей и эмоций, недостает опыта ведения диалога, умения говорить спонтанно.

Макар Девушкин — один из представителей системы подобных образов в творчестве Достоевского — считал оскорбительным для себя гоголевское освещение Акакия Акакиевича. Тем не менее сам герой Достоевского являлся представителем мира «маленьких людей»

(Русские писатели, 1990). Его интересовало большее, но мечты Девушкина не вырывались из круга скудных бытовых интересов. В речевой характеристике этого персонажа наблюдается усложнение логики мышления, построения высказываний: «Вы, впрочем, не думайте чего-нибудь и не сомневайтесь, маточка, обо мне, что я такую комнату нанял. ...Нет, маточка, я про себя не промах, и характера совершенно такого, как присуще твердой и безмятежной души человеку. ... Расписался я вам чуть не на двух листах, а на службу давно пора» (Достоевский. Бедные люди).

Предложения, как видим, чаще всего сложные. Часто Макар Девушкин в своей речи употребляет слова различных слоев лексики, а местоимение «я» встречается в каждом предложении. Это свидетельствует о том, что персонаж придает значительность собственной персоне. Для речи Девушкина характерно употребление классических шаблонов. У читателя создается впечатление, что герой Достоевского переписывает чьи-то уже известные предложения, заменив в них некоторые слова или их порядок.

Макар Девушкин строит свою речь правильно, стремится сделать ее эмоциональной: «Вот эти-то все удары неожиданные и потрясают меня! Вот такие-то бедствия страшные и убивают дух людей! Кроме того, что сброд этих лизоблюдников разных и старикашек негодных вас, моего ангельчика, на болезненный одр свести хочет» (Достоевский. Бедные люди).

Для усиления выразительности высказывания персонаж меняет типичный порядок слов («лизоблюдников разных», «старикашек негодных»), использует глаголы со значением длительного действия. С этой же целью «маленький человек» употребляет союз «и», выполняющий функцию частицы, при глаголах-сказуемых. Союз в данном случае выполняет не соединительную, а усилительную функцию.

Однако в речи Макара исследователей больше интересует не синтаксическая или морфологическая ее сторона, а именно лексическая. Ограниченность, скудность, заимствованный ее характер становятся явными после знакомства уже с первым посланием героя Достоевского: «Я ведь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня теперь денежка водится...» (Достоевский. Бедные люди); «Так вот, сапоги и платок есть. Теперь пуговики, дружок мой! Ведь вы согласитесь, крошечка моя, что мне без пуговок быть нельзя; а у меня чуть ли не половина борта обсыпалась!» (Достоевский. Бедные люди).

Как видно из приведенных примеров, герой Достоевского часто использует характерные обращения «маточка», «ангельчик мой». Их многочисленные повторы в речи зачастую выглядят необоснованными. Предметы обихода, деньги интересуют Девушкина чаще, чем что-либо нематериальное, духовное. Большие и сложные по своей структуре предложения персонаж посвящает рассуждениям о порядке вещей в собственном быту. Однонаправленность, узость мышления

«маленького человека» налицо. Анализ особенностей построения фраз, наличия слов определенных лексико-семантических и тематических групп, характера обращений позволяет сделать вывод о речевой компетентности говорящего, о его образовании, уровне развития, эмоциональности. Речь Девушкина часто бывает ситуативно неуместна, изобилует словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

А.П. Чехов продолжает создание галереи типов «маленьких людей» в русской литературе. У Чехова нет, безусловно, образов «маленьких людей», описанных с чувством авторской симпатии. Вне всякого сомнения, вереница чиновничьей и иной «человеческой мелюзги» в рассказах писателя создавалась в полном соответствии с той поправкой, которую подсказывала жизнь. «Маленький человек» начинает обрисовываться без какой бы то ни было идеализации. Он холопствует перед вышестоящими и тиранит еще более ничтожных, чем он сам, завидует и подсиживает, на все готов во имя чина и грошовой прибавки к жалованию.

Можно заметить, что «если и лежит на поверхности какое-то основание для «прямого сближения двух писателей (А.П. Чехова и М.М. Зощенко), то это малая форма» (Подшивалова, 2005, с. 70). Для речи «маленького человека» в творчестве Чехова характерна бедность словарного запаса и скудность синтаксических конструкций. Язык персонажа очень точно соответствует реальному уровню его развития. С этой целью А.П. Чехов прибегает к внедрению разговорного стиля в повествование, использует грубо-просторечную лексику («тварь, болван, мерзавец» и т.д.), смешение стилей — разговорного и книжных, искаженные фонетически и на морфемном уровне общеупотребительные слова («жежи, нешто, чаво, найтить, ейного, тогда» и т.д.). Нарушение норм литературного языка оправдано целью автора — максимально приблизить образ к реальности. Такие специфические черты речи «маленького человека» наблюдаются и на синтаксическом уровне, прежде всего в построении сложноподчиненных предложений, например: «Вы меня извините, я человек, который неработающий...» (Чехов. Хамелеон); «Это значит, что которые приставлены для закрепления брамселей, должны непременно находиться в это время на мапсах» (Чехов. Свадьба с генералом).

Эти и другие способы оформления сложных предложений явно нелитературны, являются принадлежностью разговорного стиля или выходят за рамки нормированного языка.

В русской литературе XX века многие писатели также обращались к теме «маленького человека» и его места в обществе, но самым выразительным в галерее образов, на наш взгляд, стал художественный образ, созданный М. Зощенко. В его рассказах авторское лицо и авторская маска сплелись воедино в процессе обрисовки «маленького человека». Этот герой наконец стал говорить якобы от своего имени.

Здесь Зоценко стал новатором. Он, по существу, отказался от принципа прямой авторской оценки в своих произведениях.

Одним из героев произведений писателя, «маленьким человеком», является сам рассказчик. В результате творческая манера Зоценко становится многомерной, многослойной. С одной стороны, сатира была направлена на персонажей, поведение которых охватывалось сюжетом, а с другой — в явно сатирической функции выступает сам рассказчик.

1.3. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПРОЗЕ М. ЗОЦЕНКО

Изучением образа «маленького человека» в творчестве Зоценко занимались многие видные отечественные критики, лингвисты, литературоведы, такие как К.И. Чуковский, В.В. Виноградов, Д.М. Молдавский, Л.Ф. Ершов, М.О. Чудакова. Несомненный интерес для нас представляют прежде всего те исследования, в которых анализируется язык произведений писателя.

В работе К.И. Чуковского «Из воспоминаний: Вспоминая Зоценко» глубоко и всесторонне освещены возможности художественного слова писателя в изображении реального портрета «маленького человека», передаче особенностей его мышления. Автор монографии главное внимание уделяет исследованию языковых средств создания образа героя произведений писателя-сатирика. «Зоценко первый из писателей своего поколения ввел в литературу в таких широких масштабах эту новую, еще не вполне сформировавшуюся, но победительно разлившуюся по стране внелитературную речь и стал свободно пользоваться ею как своей собственной речью» (Чуковский, 1990, с. 49). По замечанию К.И. Чуковского, «много творческих сил потребовалось Зоценко, чтобы сделать этот язык художественным, экспрессивным и ярким. На каждой странице писатель готов отмечать вывихи его синтаксиса, опухоли его словаря, демонстрируя веселым злорадством полную неспособность ненавистного ему слоя людей пользоваться разумной человеческой речью» (Чуковский, 1990, с. 53). И хотя исследователь не ставил, как нам известно, специальной цели анализировать речевую специфику героев произведений писателя-сатирика, К.И. Чуковский очень точно отразил своеобразие речевой ткани произведений Зоценко.

Мысли, высказанные в работе К.И. Чуковского, получили развитие в работе Д.М. Молдавского «М. Зоценко». В ней дан критический анализ творческого пути писателя. Одним из первых Молдавский отмечает специфический характер речевого портрета героя произведений писателя: «Речь Синебрюхова — если не воссоздание речи действительно существовавшего человека, то очень тонкая стилизация», «есть факты, которые могут быть прочтены из его речи», «эффект

смешного в том, что все эти (ум, образованность) качества опровергаются его же речью» (Молдавский, 1977, с. 47).

В других исследованиях отмечается, что Зошенко «не портит язык», а комически стилизует его. «Слово поворачивается самыми неожиданными семантическими гранями, отражая какие-то ранее неизвестные стороны духовного и нравственного бытия персонажей. Писатель заимствует лексику своих героев из самых различных речевых слоев — будь то слободской мещанский говорок, солдатский жаргон, газетно-канцелярские штампы или церковнославянизмы. Отсюда поразительная контрастность речевой стихии его героев, комизм стиля и слога» (Ершов, 1973, с. 62). Сложность языка сатирика исследователи видят в смешении в нем трех пластов, использующихся одновременно: авторского, рассказчика и героя.

Говоря о языке и его функции в сатирических новеллах М. Зошенко, отечественный ученый — литературовед А.Н. Старков отмечает: «Богато представлены также индивидуальные словесные штампы, создающие как видимость устной импровизации, так и комизм языкового автоматизма... Сохранен и принцип введения в речь героя лексики, чуждой языку самого автора, но естественной рассказчику... Он все более срастается с сюжетом, превращая его в средство дополнительной характеристики личности рассказчика» (Старков, 1974, с. 69).

Основой исследований М.О. Чудаковой (Чудакова, 1978; 1990), их ядром, стало изучение художественного стиля Зошенко, его поэтики, проблемы авторского слова: «Зошенко строит тот стиль, которым должен был писать тот воображаемый писатель, если бы он был достаточно литературно добросовестен в своих притязаниях ответить потребностям современности» (Чудакова, 1978, с. 172). Умение быть «прозрачным» для своего читателя объясняет использование писателем-сатириком иллюзии спонтанной речи со множеством оговорок, омовов, повторов, пауз.

В современном отечественном литературоведении появляется термин «художественная концепция личности», который рассматривается как «понятие, отражающее совокупность идей, взглядов, принципов видения, постижения и изображения человека как личности в определенном литературном контексте. Художественная концепция личности как основа творческого сознания писателя является центром, который определяет характер, эстетические законы не столько одного произведения, сколько всего творчества в целом или отдельных его этапов» (Колобаева, 1990, с. 35–36).

В последние десятилетия создано множество научных работ, направленных на изучение художественной манеры Зошенко. Среди них выделяется довольно значимая для нашего исследования монография А.К. Жолковского (Жолковский, 1999), в которой, помимо литературоведческого, представлен анализ языковых средств создания образа главного героя, образа рассказчика в произведениях писателя.

В.В. Маяковский считал, что «человек — это огромный мир, космос, Вселенная» (Альфонсов, 1984). Для Михаила Зощенко его герой — это тоже целый мир, но часто комичный, во многих случаях уродливый. Сам Михаил Зощенко выступал против того, чтобы его считали писателем-юмористом. Оценивая свои небольшие рассказы, писатель с оттенком сожаления отмечал: «Их называют юмористическими. Собственно, это не совсем правильно. Они не юмористические. Под юмористическими мы понимаем рассказы, написанные ради того, чтобы посмешить, это складывалось помимо меня — это особенность моей работы» [Зощенко 1930, с. 109–110]. Нужно отметить, что писатель нигде открыто не развенчивает своего повествователя. Больше того, он пишет даже как будто с долей сочувствия. Однако сочувствие это таково, что каждая новая деталь заставляет ощущать крайнюю примитивность строя мыслей и чувств персонажа. Так, рассказ «Мещанский уклон» построен в виде своеобразной защиты героя. Но чем обстоятельнее рассказчик описывает самого Васю Растопыркина и то, что с ним произошло, чем активнее становится на его сторону, тем все больше и больше обнаруживается абсурдность поведения и того и другого. В этом на помощь автору приходит его знание особенностей языка «маленьких людей», и Зощенко мастерски разворачивает картину абсурда, человеческой глупости: «Василия Тарасовича Растопыркина — Васю Растопыркина, этого чистого пролетария, беспартийного черт знает с какого года — выкинули с трамвайной площадки».

Ситуация развивается по нарастающей: «Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. Он, может, в пять часов шабашит и сразу домой прет. Он, может, маляр. Он, может, действительно, как собака грязный одет».

Следует обратить внимание на языковые средства, используемые автором в этом отрывке для передачи особенностей речи рассказчика. Лексика повествователя насквозь пропитана «пролетарским духом»: «беспартийный», «чистый пролетарий». Просторечия и жаргонизмы («прет», «шабашит») указывают на необразованность рассказчика. Встречающиеся в речи героя рассказа фразеологические единицы «черт его знает», «грязный как собака» могут использоваться лишь таким человеком, как он, а именно грубым, озлобленным, некультурным, малообразованным.

Отступления от норм литературного русского языка наблюдаются на всех уровнях, в том числе и в грамматике. Например, нарушены нормы глагольного управления: «одет не во фраке» вместо «одет не во фрак». Форма предложного падежа заменяет нормативную в данном словосочетании форму винительного падежа. Видимо, рассказчик не имеет никакого понятия о правильном использовании словоформ в словосочетаниях подобного типа. Он даже не желает обращать вни-

мание на столь «неважные» проблемы. Желание повествователя выразить свое негодование по поводу случившегося приводит к появлению в его речи предложений, представляющих собой практически только набор модальных слов, что является нарушением синтаксических норм языка. Три предложения подряд начинаются со слов «он, может». Такая анафора призвана передать вспыхнувшее и разрастающееся чувство негодования в душе рассказчика. Но малообразованный пролетарий не может найти различных слов для выражения своих эмоций, поэтому он вынужден повторять одни и те же вводные конструкции, которые в его речи, как нам представляется, выполняют функцию связующих элементов, без которых говорящий не может построить предложение.

Следует отметить, что на первых порах сказ Зоценко носил еще тот обобщенный характер, при котором единственно обязательной и по существу определяющей его чертой являлась установка на устную речь рассказчика, «ориентация на устный монолог повествующего типа» (Виноградов, 1978), присутствие самой беседы с воображаемым слушателем. Герой Зоценко к этому времени еще не самоопределился ни индивидуально, ни социально, сказ же выступал поначалу как особая форма обращения к читателю, как художественная имитация монологической речи, организующей повествование.

Современные исследователи русской литературы считают: «Сатирический сказ был истинным художественным открытием Зоценко» (Орлова, 2020, с. 120). М.М. Зоценко воспринимает сказ как установку на устную форму повествования, установку на устную речь и соответствующие ей языковые особенности (устная интонация, синтаксическое построение устной речи, соответствующая лексика и т.д.).

В дальнейшем, в «Рассказах Назара Ильича, господина Синябрюхова», а еще более отчетливо к середине двадцатых годов, функции сказа у Зоценко заметно усложняются. Сказ все более явно превращается в средство самохарактеристики рассказчика.

Как отмечает академик В.В. Виноградов, «возможности художественной игры при иллюзии сказа делаются шире, когда речь переносится, так сказать, во внелитературную среду, за пределы общего языка. Тогда уже не одна внешняя ситуация определяет понимание словесных форм. Но происходит как бы столкновение разных плоскостей самого языкового восприятия. Сказ строится в субъективном расчете на апперцепцию людей известного узкого круга (например, речи Рудого Панька у Гоголя — на близких — знакомых, захолустных людей Миргородского повета), но с объективной целью — подвергнуться восприятию постороннего читателя. На этом несоответствии, несовпадении двух плоскостей восприятия, заданной и данной, основаны острые комические эффекты языкового воздействия» (Виноградов, 1978).

При этом, естественно, и облик автора начинает раздваиваться: это, с одной стороны, сам писатель, М. Зошенко, а с другой — герой, излагающий события, свидетелем (а зачастую и участником) которых он является. Так происходит разграничение героя-рассказчика и автора-писателя, при этом очень часто «образы повествователя и персонажа в произведении писателя неотделимы друг от друга» (Лисина, Дмитроченко, 2014, с. 108). У Зошенко появляется «соавтор». Возникает возможность двойной (и двойственной) оценки событий. Отношение к изображаемому со стороны рассказчика и стоящего за его спиной автора при этом постоянно скрещиваются, совпадая или чаще не совпадая, чем и достигается возможность сатирического изображения как событий, так и (что не менее важно) самого рассказчика. Сказ перестает быть только формой повествования, он приобретает еще и организующую повествование роль.

Язык произведений М.М. Зошенко получил определение «бисер». Именно так его охарактеризовал А.М. Горький. По его мнению, если такие писатели, как В. Катаев, Ильф и Петров, А. Зорич, отбрасывали «из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, но совпадающее по различным причинам с основным «духом», то есть строем общеплеменного языка», то М. Зошенко, напротив, стремился зафиксировать многое из этого потока и комически его использовать (Горький, 1953, с. 213). Зошенко заимствует лексику своих героев из самых разных речевых слоев — будь то слободской мещанский говорок, солдатский жаргон, газетно-канцелярские штампы или церковнославянизмы. Отсюда поразительная контрастность речевой стихии его героев, комизм стиля и слога. Зошенко не портит язык, а комически стилизует его. Слово поворачивается самыми неожиданными семантическими гранями, отражая какие-то ранее неизвестные стороны духовного и нравственного бытия персонажей. Делается это по-настоящему смешно, поскольку комическое слово у Зошенко соотносится с комической стороной облика мещанина, у которого от новых «порядков» только манера выражать свои мысли. Стремление к опрошению речи героев сопровождалось ростом объемности зошенковского стиля, полифонией и многофункциональностью сказа.

Формы полукультурной речи находят применение в первую очередь в сказе. В повествовании сталкиваются две контрастные стихии — книжная, представленная наиболее стилистически ограниченными средствами, и просторечная, диалектная, жаргонная. Если тяготение к книжной речи осознанно, но во многом искусственно, то просторечие прорывается как бы непроизвольно, независимо от желания говорящего, и речь строится на постоянных колебаниях от одной стилистической сферы к другой.

Зошенко не пренебрегал комизмом положений и ситуаций. Но характерным для композиционного рисунка его сказа является внутрен-

нее противоречие между наивно-незлобливой интонацией рассказчика и неприятной сущностью изображаемого жизненного явления (Лицо и маска Михаила Зощенко, 1994).

В результате проведенного анализа многих работ, посвященных изучению творчества М. Зощенко, можно прийти к выводу о том, что исследователей чаще всего интересовал литературоведческий аспект при изучении произведений писателя. Говоря о языке произведений Зощенко, большинство ученых обращают пристальное внимание на лексику. Среди представленных в российской филологической науке работ недостаточно таких исследований, которые посвящены комплексному, исчерпывающему, развернутому анализу, к примеру, грамматических средств создания речевого портрета «маленького человека» в прозе писателя-сатирика. Но в то же время в науке о языке отмечается следующее: «Писатель-сатирик довел до совершенства манеру комического сказа. Использование языковых средств (фонетических, лексических, морфологических, стилистических) помогает автору дать емкий портрет рассказчика или героя. Исследования вариантов форм речи (разговорной, диалектной и др.) являются необходимыми для раскрытия полной картины литературного языка» (Исаева, 2016).

В современной филологии до сих пор нет ясности относительно того, что обозначает термин «литературный портрет». Именно по данной причине многие ученые спорят над определением этого термина, соотнося его с системой персонажных стилей (термин Л.Г. Пустовойта), входящих в поэтику художественного произведения.

Наша задача, как уже говорилось ранее, заключается в определении содержания понятия «речевой портрет», в выборе его основных характеристик и анализа грамматических средств создания речевого портрета «маленького человека» в прозе Зощенко.

Л.Г. Пустовойт утверждал значимость слова в создании художественного образа: «Слово выбирается в соответствии с характером героя, его поведением, его принадлежностью к определенной среде» (Пустовойт, 1976, с. 40). Бесспорно, писатель, решивший изобразить характер человека, должен изучить его образ жизни, установить существенные черты, которыми определяются его действия и поступки, образ мышления героя. Все это становится элементами литературного портрета. Важно отметить, что автор, выбравший типический и типизированный образ для изображения, работает в более крупном эстетическом, художественном масштабе. М.М. Зощенко был именно таким художником слова.

Изучив работы, посвященные разработке понятий «литературный портрет» и «речевая характеристика», можно прийти к выводу о том, что литературный характер как социальное явление предполагает изображение тех проявлений человека, в которых он раскрывается как представитель той или иной конкретно-исторической среды.

Если говорить о соотношении понятий «литературный портрет» и «речевой портрет», то оно нам видится в следующем: речевой портрет — это лингвистическая составляющая литературного портрета, опирающаяся на речевую характеристику. Пожалуй, речь и невербальные способы проявления эмоций являются важнейшими факторами, при анализе которых возникает объективная картина психического состояния человека, уровень его развития, интеллекта.

По мнению академика В.В. Виноградова, «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для построения образа» (Виноградов, 1978, с. 119). С данной точкой зрения трудно не согласиться, однако необходимо добавить, что этот тезис выражает основной художественный принцип М.М. Зощенко в его сатирических рассказах в процессе создания образа «маленького человека», раба своего времени.

Что же означает термин «речевой портрет»? На наш взгляд, это совокупность разноуровневых языковых средств, типичных для речи героя литературного произведения (либо героев целого ряда литературных произведений), составляющих часть его литературного портрета.

Выбор жизненного явления, образа диктует автору и выбор соответствующих языковых средств, выражающих литературный характер персонажа, входящих в его общую художественную типизацию. Здесь проявляется основной закон поэтики — соответствие содержания форме.

Мы остановились на речевом портрете художественного образа, созданного М.М. Зощенко. Этот выбор объясняется максимальной степенью типизации, в творческой манере Зощенко чувствуется продолжение традиций русской классической литературы и ярко проявляется новаторство писателя в плане использования разноуровневых языковых средств в процессе создания речевого портрета как основной составляющей характеристики литературного образа.

Помимо вышеперечисленного, следует отметить специфику речевого портрета образа героя в произведениях писателя. Она, по нашему мнению, заключается в умелом использовании автором потенциала разговорной речи. Отступления от норм литературного языка стали в произведениях Зощенко своеобразным художественным приемом, направленным на реализацию авторского замысла.

ГЛАВА 2. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГЕРОЯ САТИРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ М.М. ЗОЩЕНКО: ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

2.1. ФОНЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЯ ПРОЗЫ М.М. ЗОЩЕНКО

Как уже упоминалось, писатель «активно использует в своих произведениях элементы разговорной речи для обрисовки характера типического героя. Свободное построение языковых единиц разных уровней, высокая реализация различных языковых моделей составляют основу разговорной речи персонажа. Эта особенность обнаруживается в ней наряду с широким употреблением языкового клише, разного рода устойчивых построений, отхода от норм литературного языка» (Пантелеев, 2013).

В ходе знакомства с речью «маленького человека» в рассказах Зощенко обнаруживается стремление говорящего использовать языковую игру. В отечественной лингвистике отмечается тот факт, что «игровая функция языка — это один из частых видов поэтической функции» (Сиротина, 1974, с. 163).

Но известно, что «в разговорной речи возможен и не столь редок конфликт между установкой говорящего и достигаемым его речью эффектом» (Пантелеев, 2013). «Играя», герой рассказов писателя «не ставит перед собой задачи быть интересным собеседником, усилить непринужденность общения, как это принято при использовании «языковой игры». Наоборот, он стремится быть серьезным, степенным и высокообразованным в восприятии окружающих, желает привлечь их внимание и остановить его на собственной персоне, сделать обстановку официальной» (Пантелеев, 2013). Можно утверждать, что Михаил Михайлович Зощенко, стилизуя речь «маленького человека» — персонажа сатирических новелл, мастерски «передает ее особенности, реализующиеся в различных ситуациях говорения» (Пантелеев, 2013). Таким образом, автор заставлял своего героя «играть с языком» не осознанно, а в силу его реального знания особенностей русского языка, уровня развития интеллекта героя произведений писателя-сатирика.

Так, в речи персонажа уже на фонетическом уровне наблюдается специфическое искажение слов, выполняющее художественные задачи в создании портрета героя. Его незнание произношения слов родного языка, на наш взгляд, точно отражает его низкий уровень культуры. В этом же языковом явлении проявляется желание «маленького человека» идти в ногу со своим временем. Услышанное от авторитетного для него человека слово воспроизводится им, но уже в трансформированном фонетическом облике, ср.: «Так вот, этого... авияция, товарищи крестьяне...» (Зощенко. Агитатор). В данном обращении

сторож авиационной школы использует слово «авияция» вместо правильного «авиация».

Употребленная в этом примере протеза (вставлен [j]) искажает фонетический облик слова. Причина использования сатириком этого приема заключается в желании Зощенко показать неподготовленность героя к агитационной беседе. Сторож фактически ничего не знает об авиации. Ему известно лишь то, что он, возможно, слышал, а затем обсуждал с такими же, как он, «темными» рабочими. Человек не понимает сути предмета своей речи. Слово, употребленное им в речи, является иноязычным заимствованным элементом, однако уже прочно вошедшим в словарный состав русского языка. Следует отметить, что в варианте «авияция» реализуется стремление говорящего русифицировать заимствованное слово. Как известно, для исконно русских слов не характерны сочетания гласных звуков в середине слова. На наш взгляд, именно поэтому герой рассказа разделяет два звука согласным [j] и использует именно такую звуковую оболочку — «ави[ja]ция».

Нужно подчеркнуть именно тот факт, что говорящий — герой рассказа писателя — искажает звучание заимствованного слова именно в силу своей неграмотности, низкого уровня культуры, а не потому, что слово «авиация» не было ассимилировано русским языком в конце двадцатых годов прошлого века. Человек образованный в то время уже имел полное представление об авиации и, соответственно, использовал данное иноязычное слово в речи в его правильной звуковой огласовке. Неграмотные же люди искажали этот звуковой комплекс, а также звучание других иноязычных слов, заимствованных русским языком, и в более поздние годы. Можно вспомнить, к примеру, такую фразу: «Нюрка, ероплан пролетел ну в метре от твоей трубы, а максима и того меньше» (Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Данный пример можно соотнести с тем, что использует в одном из своих рассказов М.М. Зощенко, однако необходимо отметить, что крестьянин из произведения Войновича искажает фонетический облик слова «аэроплан» уже в 40-ые годы прошлого столетия, тогда как персонажи Михаила Зощенко демонстрируют свое незнание русского языка эпохи первых послереволюционных лет, ср: «Так вот, этого, товарищи крестьяне... Строят еропланы и летают после» (Зощенко. Агитатор).

Необходимо отметить, что сочетание [aэ] нетипично для фонетической системы русского языка, как и любое сочетание гласных звуков. Просторечное, «русское» звучание иностранное слово «аэроплан» получает после того, как говорящий заменяет гласный звук [a] согласным [j] в его начале. Подобные метаплазмы позволили автору сатирических новелл изобразить типичного «темного» человека того времени, не знающего многих вещей, нечитающего.

Герой произведений писателя-сатирика искажает звучание не только заимствованных слов. В рассказах есть многочисленные примеры нарушений фонетического облика исконно русских слов, например: «Не задръживай!» (Зошенко. Агитатор).

В приведенном выше примере реализуется нарушение нормы произношения, связанное с заменой одних звуков другими. Сравним, за[д'э]рживай — за[д'о]рживай. По нашему мнению, крестьяне, используя данный вариант произношения, не преследуют цель сделать ситуацию непринужденной, скорее им неизвестен другой, правильный вариант произношения слова. Замена фонемы <е> фонемой <о> является типичным примером вторжения диалектов в фонетический строй языка «маленького человека». Можно вспомнить, что во владимиро-поволжских говорах, например, фонема <е> в ударной позиции после мягкого согласного исчезает и на ее месте реализуется фонема <о> (Русская диалектология, 1972). По-видимому, герои рассказа писателя просто не владеют литературным русским языком, не знают его произносительные нормы, зато хорошо знакомы с диалектным произношением подобных слов.

Диалект и просторечие тесно переплетены в текстах произведений Зошенко. Искажают звуковой облик русского слова и крестьяне, использующие свой родной диалект, и городские жители, в речи которых ярко проявляются грубо-просторечные элементы, например:

«Ах вот как! — кричит подсудимая. — Кожа тебе не по скусу? Морщинки тебе, морда собачья, не ндравятся? Перед народом меня страмить выдумал...» (Зошенко. Баба).

Данный монолог иллюстрирует то, как постигшее героиню разочарование в человеке, волнение передаются в ее речи. Она, на наш взгляд, пытается говорить правильно в официальной обстановке, но путает звучание слов и произносит их смешно для окружающих, неправильно: «скусу» вместо «вкусу», ндравятся» вместо «нравятся», «страмить» вместо «срамить».

Итак, в первом случае происходит замена [ф] на [с]. Эти звуки сходны по своим артикуляционным признакам. Возможно, поэтому героиня путает их. Это указывает на то, что объем ее речевой памяти, знание языка невелики. Замена губно-зубного [ф] переднеязычным зубным [с] связана, как нам представляется, с процессом вытеснения фонемы <ф> в русских говорах, появлением на ее месте других согласных фонем (Русская диалектология, 1972).

Просторечный вариант произношения слова «нравятся» — «ндравятся» (с добавлением [д]) подтверждает высказанное нами мнение, указывает на происхождение, социальную принадлежность героини, что можно наблюдать и при анализе следующего примера: «Нету, — отвечает, — хотя оно в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято...» (Зошенко. Аристократка).

В данном предложении форма «ем» является грубой просторечной в плане произношения, не являющейся нормой для фонетической системы русского литературного языка. Пролетарский писатель употребляет именно этот вариант, по нашему мнению, по той причине, что он кажется герою понятнее для большинства собеседников. Но нельзя отрицать и того, что рассказчику, по-видимому, неизвестен другой, нормированный вариант.

Искажению фонетического облика подвергаются слова разных частей речи, но при этом являющиеся принадлежностью активного словарного состава языка, использующиеся в разных стилях речи, например: «Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то — да, индустрия конкретно» (Зощенко. Обезьяний язык).

Вышеприведенное предложение иллюстрирует деформацию фонетического облика слов. В данной конструкции лексемы выступают в нетипичных для них сочетаниях, поэтому само высказывание не имеет смысла. Слово «отсюда» резко контрастирует с другими в этом предложении. Автор использует данный вариант с целью помочь читателю в определении характера беседы, особенностей собеседников. «Отсюда» — внелитературный вариант с заменой одного гласного на другой (от[ту]да — от[т³]да) со смягчением рядом стоящего согласного. Данный вариант произношения весьма характерен для речи необразованного человека из народа.

В настоящее время можно, хотя и уже крайне редко, слово «транвай», которое звучит в речи неграмотных людей, нарушающих, как правило, и другие нормы литературного языка. В эпоху двадцатых годов таких людей было гораздо больше, что и нашло свое отражение в сатирической прозе Михаила Зощенко, ср.: «С транвая их, воров-то, скидывать надоть» (Зощенко. На живца).

В этом предложении Зощенко использует нелитературный вариант «транвая» вместо «трамвая» по причине того, что желает, на наш взгляд, указать на незнание персонажем правильного варианта произношения. Это незнание, видимо, связано с тем, что герой только слышал это слово, но не встречал в письменном варианте, так как любовь к чтению для него нехарактерна.

Сопоставим согласные [н] и [м]. В их артикуляции много общего: они сонорные, смычно-проходные, носовые, непалатализованные. Отличие лишь в том, что [м] — губно-губной согласный, а [н] — переднеязычный зубной. Отметим, что у этих звуков различно только место образования. Следовательно, их нетрудно спутать, если человек необразован, не отличается высоким уровнем культуры. Употребленное в том же примере слово «надоть» — это морфемный (словообразовательный) диалектизм, который также подчеркивает необразованность героя рассказов.

Многочисленные примеры искажения фонетического состава слов в речи героев Зоценко выполняют важную функцию, являясь одним из средств выражения отношения героя к другим представителям нового советского общества, ср: «Молоденькая такая, хорошенькая из себя. Черненькая, брунеточка. Гляжу — вертится эта дамочка» (Зоценко. На живца).

В приведенном примере явно слышна пренебрежительная интонация говорящего. «Брунеточка» использовано вместо литературного «брунеточка». В данном случае героине, на наш взгляд, известен правильный вариант звучания этого слова, но своей манерой произношения она подчеркивает пренебрежительное отношение к объекту речи. «Маленький человек», таким образом, принижает образ девушки уже при первом упоминании о ней. Действительно, даже на ассоциативном уровне при сравнении звучания [ру] и [р'у] человеком ощущается грубость, «топорность» первого звукового сочетания.

Автор рассказов подчеркивает просторечный характер речи своих героев, обилие диалектных фонетических черт в звуковых оболочках слов, ср.: «Ну, это уж они тово...» (Зоценко. Крестьянский самородок).

Графическое отражение звуковой оболочки слова в данном предложении усиливает грубость манеры произношения говорящим исконно русских слов. «Тово» звучит правильно с точки зрения нормированного языка. Диалектный характер, просторечность слова реализуется в отсутствии редукции гласных. Подобная фонетическая деформация (утрирование, преувеличение звучания) является дополнительным средством создания речевого портрета говорящего. В его предложении нет точности: оно непонятно, если взято отдельно от диалога (состоит из междометий, местоимений, частицы). Растерянность, скупость лексического запаса, низкий уровень культуры говорящего проявляется в неумелом построении предложения, подборе «пустых» слов. Следовательно, грамотный читатель определит, на наш взгляд, точно, что перед ним человек со слабой способностью к спонтанной разговорной речи.

Подобные фонетические деформации свойственны «маленькому человеку» — герою произведений писателя, ср.: «Контролер, — хрипло сказал человек, — ччас проверим, и дальше бежать (Зоценко. Происшествие).

Приведенный пример ярко рисует важность использования приемов фонетической деформации, употребленной автором с целью передачи физического состояния героя. Стилистически нейтральное наречие «сейчас» в нормативной разговорной речи звучит таким образом: [с'изч'ас]. В данном предложении наблюдается трансформация [с'] в [ч']. Этот процесс связан, по нашему мнению, с тем, что данные согласные звуки имеют сходные артикуляционные признаки. Они являются переднеязычными, шумными глухими, мягкими согласными.

Цель изменения звуков — передать тяжелое дыхание уставшего контролера.

Необходимо отметить следующее: версия о том, что герою не известно правильное произношение употребленного слова, сомнительна. Зубной [с'] превратился в небо-зубной [ч'], фрикативный звук изменился в аффрикату, потому что говорящий в момент речи совершает глубокие и частые вдохи, его дыхание еще более сбивается, когда тот пытается говорить. Однако нужно обратить внимание на то, что в спонтанной речи герой допускает недопустимую с точки зрения правильности как основного качества речи ассимиляцию. Нетрудно заметить, что замена [с'] на [ч'] происходит в позиции перед слогом с согласным [ч'], а в абсолютном конце слова выступает еще один согласный звук — [с]. Персонаж рассказа Михаила Зощенко просто запутался в фонетическом облике общеупотребительного русского слова и исказил его звуковой состав.

М. Зощенко, будучи знатоком фонетической системы литературного языка, произносительной стороны разговорной речи, передает их специфику в диалогах своих героев, ср.: «На этом самом Василий Степаныч Конопатов пострадал» (Зощенко. Мещанский уклон»).

«Степан[ыч]» — это характерная произносительная норма стяжения звуков в суффиксе слова в разговорной речи (сравним: Степанович — Степаныч). Но следует отметить, что такая форма является недопустимой в письменной речи. Графическая передача своеобразия фонетического облика слова в вышеприведенном примере очередной раз подчеркивает грубый, порой вульгарный характер речи. Это явление, на наш взгляд, ярко свидетельствует о недостатке речевой культуры персонажа М. Зощенко.

Просторечный характер речи «маленького человека» подчеркивается при использовании неправильных фонетических чередований звуков в словах. В качестве подтверждения можно привести следующие примеры, взятые из речи героев зощенковских рассказов: «Это, — говорит, — прямо гостей в уборную нельзя допускать» (Зощенко. Гости); «А, хорошо, товарищи, летом! Солнце пекет» (Зощенко. Бочка); «Испужался старик зря» (Зощенко. Матренища).

Сравним приведенные выше варианты с нормированным литературным произношением: допускать — допускатъ (щ // ск); пекет — печет (к // ч); испужался — испугался (ж // г). Употребление подобных вариантов в речи персонажа очень ярко, выразительно характеризует героя произведений писателя, показывает простонародное происхождение «человека новой России».

Характерный для разговорной речи прием широко используется писателем: «Польта, — говорят, — сымайте» (Зощенко. Прелести культуры); «Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать» (Зощенко. Монтер).

В приведенных выше примерах нарушаются нормы в том числе и произношения слов: «снимать» звучит с начальным [сы]. Опускается сонорный [н'], что свойственно просторечию. В этом случае герой не знаком с правильным произношением данных слов, в его среде не говорят правильно.

Проведенный анализ языкового материала позволил нам выделить особенности фонетического уровня речевого портрета «маленького человека» М. Зощенко. Авторские мотивы использования метаплазма таковы:

- 1) показать низкий уровень языковой культуры говорящего, его незнание норм произношения;
- 2) передать специфику его эмоционального состояния (потрясение, возбуждение, пренебрежение и другое);
- 3) отразить средствами языка его физическое состояние (вялость, усталость, спешку и другое);
- 4) показать неспособность персонажа строить спонтанную речь;
- 5) усилить эффект разговорной речи как одной из составляющих образа героя литературного произведения.

В результате проведенного анализа можно определить, как нам представляется, характерные фонетические особенности речи главного героя новелл писателя-сатирика. Нарушение норм в этом уровне языка у персонажей рассказов М. Зощенко носит грубо-просторечный характер, что подчеркивается обилием примеров реализации ряда явлений:

- 1) употребления метатез;
- 2) замены одних звуков другими;
- 3) изменения места ударения;
- 4) просторечного нарушения законов чередования согласных (этот прием, по нашему мнению, стоит рассматривать и как своего рода производительный гиперизм);
- 5) использования протезы.

Следует отметить, что фонетический уровень является важным в плане создания речевого портрета «маленького человека» в рассказах сатирика. Эта важность подчеркивается графическим отражением в рассказах писателя различных типов метаплазма в речи героев. Именно данная особенность, ее частота, плотность в текстах является отличительной чертой речевого портрета персонажа Зощенко от речевых портретов «маленького человека» в творчестве других писателей.

2.2. МОРФЕМНЫЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ЗОЩЕНКО

Данный уровень языка «маленького человека» является таким же элементом тонкой авторской стилизации речи персонажа, как и рассмот-

ренный нами ранее фонетический уровень. Отметим, что строение слов в текстах произведений Зоценко максимально приближено к принципам словообразования в разговорной речи.

На наш взгляд, важно остановиться на анализе тех элементов в составе слов, употребляемых в речи рассказчика, которые наиболее красочно передают личностные качества говорящего, характеризуют его языковые способности, уровень интеллекта.

Отсутствие у героя знаний кодифицированного языка, на наш взгляд, проявляется особенно интенсивно в употреблении им приставок, значение которых не соответствует норме образования нужного слова или (реже) нормативной словоформы. В таких случаях наблюдается использование героем словообразовательных диалектизмов, например: «Как услышал это Васька, упал с испугу. Мешок выронил» (Зоценко. Собачий случай).

В последнем предложении нарушен типичный порядок слов, однако нам представляется важным обратить внимание на морфемный состав глагольной формы «выронил». Употребление данного префикса не нарушает норм русского литературного языка, ср.: «Выронить...; сов. Роняя, дать упасть» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 118). Тем не менее можно сказать, что использование префикса вы- в других глаголах совершенного вида (как правило, в инфинитиве и в форме прошедшего времени) является диалектным и просторечным явлением, ср.: «Натошак — не много ли? Может вытошнить» (Зоценко. Аристократка).

«Вытошнить» — слово со стилистически сниженным значением, диалектно-просторечный вариант слова «стошнить». В приведенном выше примере наблюдается использование словообразовательного диалектизма. Приставка вы- в речи «маленького человека» ведет себя очень агрессивно, вытесняя другие словообразовательные префиксы, например: «А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше» (Зоценко. Стакан).

Отметим, что просторечие «скушал» (чаю) приобретает вид диалектного в речи персонажа при добавлении приставки вы-: «выкушал».

Переход в разряд просторечных свойственен и различным общеупотребительным, стилистически нейтральным словам в тех случаях, когда говорящим они употребляются с приставками до-, за-. Рассмотрим следующий пример, типичный для речи героев сатирических рассказов писателя: «Докушайте, — говорю, — гражданка. Заплачено» (Зоценко. Аристократка).

Данный пример ярко иллюстрирует незнание норм литературного языка. «Докушайте» (скушайте) употреблено неверно вместо «съешьте». Следует отметить, что в рассказах писателя в одном контексте могут использоваться несколько глаголов с приставкой до-, например:

«Допустите, — говорю, — докушать бутерброть, граждане» (Зоценко. Честный гражданин).

В приведенном выше примере автор мастерски комбинирует лексические, словообразовательные и фонетические приемы в создании речевого портрета персонажа. Нарушение норм лексики наблюдается в употреблении слова «докушать» вместо «доесть». Данное авторское словоупотребление не только носит просторечный характер, но и является ошибочным с точки зрения литературного языка. «Допустите» — просторечная форма слова «пропустите». Словообразовательный диалектизм был получен в результате замены приставки. Фонетический элемент грубо-просторечного характера «бутерброть» в речи «маленького человека» подчеркивает необразованность героя, который не умеет грамотно изъясняться на родном языке.

Агрессивность подобных приставок, нарушающих нормы литературного языка, появление в речи героев стилистически окрашенных слов, не являющихся нейтральными, ярко проявляются в текстах рассказов писателя, ср.: «Дозвольте, — говорит, — мне испробовать» (Зоценко. Диктофон).

«Дозвольте» в данном примере употреблено на месте правильного варианта «позвольте». Следует отметить, что этот словообразовательный элемент русского просторечия является частотным в речи героя М. Зоценко: «Ткнулся с узлом в дверь — не позволяют» (Зоценко. Мелкий случай); «Ну как это совместить, дозвольте вас спросить?» (Зоценко. Бочка); «Я, — говорит, — военнотружущий и не могу дозволить пассажирам отгрызть свои пальцы» (Зоценко. Веселая история).

Как отмечается в научной и учебной литературе по стилистике, в арсенале словообразовательных средств глагола префиксация занимает большое место, так как нередко не только вносит изменения в семантику слов, но и значительно усиливает их экспрессивную окраску, превращая глаголы межстилевые в разговорные и даже просторечные (Голуб, 1997). В речи героя рассказов Зоценко префиксальные глаголы используются именно в этой функции, причем персонажи произведений писателя употребляют такие формы произвольно, не ставя перед собой определенных коммуникативных задач. Это неотъемлемая принадлежность речи «маленьких людей». Среди многочисленных приставочных образований глаголов особое внимание привлекают те, которые имеют сильную экспрессию, несмотря на то, что образованы на базе нейтральных основ путем прибавления нейтрального аффикса. Именно приставки создают особую выразительность таких глаголов, указывая не только на степень интенсивности и разнообразные оттенки действия, но и придавая словам сниженную, разговорную окраску.

Стоит отметить, что подобное явление встречается в речи представителей разных профессий, разных социальных слоев. Так говорят крестьяне, рабочие, военные, совслужащие и другие жители страны

победившего пролетариата, что может свидетельствовать о типичности данного процесса, ср.: «Может, — говорит, — ты вместо его сыграешь?» (Зошенко. Актер).

В последнем примере слово «вместо» представляет собой соединение предлогов «за» и «вместо». Возможны варианты: «ты за него сыграешь», «ты вместо него сыграешь», но «ты вместо его сыграешь» — явное нарушение языковой нормы. Приставка за-, употребленная на месте в-, способствует образованию грубо-просторечного предлога «вместо», ср.: «Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадаполама» (Зошенко. Царские сапоги); «Как завидит театральную афишу — дрожит весь» (Зошенко. Сильное средство).

В данном предложении слово «завидит» заменяет правильный вариант — «увидит». На наш взгляд, говорящий употребляет в слове приставку за- с целью усилить эмоционально экспрессивный компонент его значения, как это делает говорящий в следующей конструкции: «Животное завсегда в том бескорыстно» (Зошенко. Кошка и люди).

В данном предложении слово «завсегда», видимо, обозначает нечто большее, чем «всегда». Ничем другим, кроме попытки неграмотного человека изъясняться умно, нельзя объяснить появление такого наречия в речи героев произведений писателя. Причем приставку за- можно рассматривать как один из наиболее частотных префиксов в речи персонажей рассказов писателя, одну из типичных черт речи «маленького человека», ср.: «Как ляпну, — говорит, — тебе шайкой между глаз — не зарадуешься» (Зошенко. Баня).

Как видим, грубо-просторечное «зарадуешься» употреблено говорящим в данном контексте на месте глагольной формы «обрадуешься».

Эти и другие словообразовательные особенности речи персонажей рассказов Зошенко указывают на социальную принадлежность «маленького человека», его культурный уровень.

Важно отметить, что и другие приставки, помимо до-, за-, вы-, участвуют в образовании просторечных слов, словообразовательных диалектизмов, являясь примерами нарушений норм русского языка.

Префиксальные глаголы в речи героев Зошенко тяготеют к разговорному стилю, ср.: «Скорее всего, как объяснить психологически, она поскользнулась на бревнах и потонула» (Зошенко. Дама с цветами).

В данном предложении словоформа «потонула» употреблено вместо более правильной с точки зрения нормы формы «утонула». В «Толковом словаре русского языка» форма «потонуть» имеет помету «разг.» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 831), следовательно, используется данный глагол в разговорном стиле речи, в отличие от нейтрального с точки зрения стилиевой принадлежности глагола «утонуть».

Герой произведений Зошенко не стремится внести какой-либо тонкий смысл, экспрессию путем использования разговорных, про-

сторечных слов, окказионализмов. Он просто говорит так, как умеет, при этом постоянно демонстрируя незнание норм русского языка.

Встречается в речи героев писателя и использование одной приставки на месте другой, нормативной, однако подобные ошибки видны нам лишь при внимательном чтении и анализе текстов, ср.: «Пушай я буду после каждого бритья морду себе подсыпать» (Зощенко. Качество продукции).

Нужно отметить неверное использование приставки под- в слове «подсыпать». Это слово является принадлежностью литературного русского языка, т.е. существует в нормированном русском языке. На первый взгляд, может показаться, что нарушений норм литературного языка в этой фразе героя нет, поскольку глагол «подсыпать» никаких норм не нарушает. Однако нужно отметить, что глагол «подсыпать» не может иметь при себе прямого дополнения (существительное в винительном падеже без предлога), т.е. управление винительным падежом может быть только предложным, например, «подсыпать в кашу». Отметим, что в соответствии с контекстом на месте слова «подсыпать» должно быть «посыпать», так как глагол «посыпать» способен управлять винительным беспредложным со значением прямого объекта (например, «посыпать голову»; в тексте — «посыпать морду»).

Состав слова, присущий просторечию, диалектизмам, на наш взгляд, является частотным в речи «маленького человека» — героя рассказов Зощенко. Рассказчик не знает норм языка, поэтому неверно употребляет приставки в производных словах. По-видимому, использование ошибочных словообразовательных моделей кажется герою понятным для окружающих, ср.: «Я помню, у нас в кооперативе спортилась капуста, стухла, извините за такое некрасивое сравнение» (Зощенко. Бочка); «Ну, а в следующие разы спорченный продукт мы на рожжку вывалили» (Зощенко. Бочка).

Приведенные примеры иллюстрируют то, как герой заменяет правильные формы: «испорченный», «испортилась» на противоречащее норме — «спорченный», «спортилось». Это не диалектизмы, а элементарные нарушения норм словообразования в речи не владеющего литературным языком «полукультурного» человека.

Подобная «полукультурность» необразованного представителя нового общества 20-х годов XX века прослеживается в многочисленных ошибках героя при образовании форм глаголов, ср.: «Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хотят» (Зощенко. Кинодрама); «Не махай, не делай ветру перед пассажирами» (Зощенко. Не надо иметь родственников).

В данных предложениях употреблены словоформы «хочут» вместо «хотят», «махай» вместо «маши». Эти нарушения типичны для речи необразованного человека, героя произведений сатирика. Возможно, по нашему мнению, рассмотрение данных примеров не только как

нарушений норм словообразования, но и как нарушений норм грамматики, морфологического строя языка.

«Маленький человек» в рассказах писателя часто употребляет слова с оценочными суффиксами (уменьшительно-ласкательными, увеличительными, пренебрежительными). Формы с данными суффиксами можно встретить во многих рассказах, ср.: «Это, — говорит, — один — стакан тюкнет, другой — крантик у самовара начисто оторвет, третий — салфетку в карман сунет» (Зоценко. Стакан); «В кувшинчике, — кричу, — часики ваши, будь они прокляты!» (Зоценко. Жертва революции); «И жил Иван Савич в прежней своей квартирке на Большой Пушкарской улице (Зоценко. Матренища); «Стали ему разные кораблики сниться, цветочки настурции, дворцы какие-то» (Зоценко. Матренища); «Иные шуточкой на это отделяваются — дескать, живу — хлеб жую» (Зоценко. Счастье); «Что ты, — говорит хозяин, — объелся? Садись, — говорит, — обратно за столик и пей чай» (Зоценко. Счастье); «Кондуктор сконфузился, поправил, без всякой видимой нужды, катушки с билетиками и сказал: — ... Плакали бы мои денежки» (Зоценко. Не надо иметь родственников); «Василь Иванович. Да обожди немного. Посиди, — говорит, — (...) на сундучке» (Зоценко. Муж); «А я думал, что за костюмчик» (Зоценко. Рабочий костюм); «И вижу, сам батя с кисточкой прется» (Зоценко. Пасхальный случай); «Вскоре стухла еще у нас одна бочечка» (Зоценко. Бочка) и т.д.

Употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов в речи героя характерно для слов, обозначающих предметы быта, материального мира. В этом языковом явлении, на наш взгляд, отражается любовь говорящего к вещам, страсть к накопительству. Культ вещей уничтожает человечность в душе героя. Важно отметить, что он почти никогда не использует подобные суффиксы при обращении к окружающим. Они, по нашему мнению, недостаточно интересуют героя. То, что доставалось труднее, дороже, стало в жизни человека наиболее важным.

Когда герой повествует о явлениях своей жизни, он также эмоционально указывает на их никчемность, пустоту, употребляя суффиксы с негативной, пренебрежительной оценкой, ср.: «А я выкушал один стаканчик чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и чайшко неважный...» (Зоценко, Стакан).

Однако в речи героев писателя и имена с абстрактным значением тоже приобретают уменьшительно-ласкательные суффиксы, реализующие уничижительную оценку. Как отмечает А.Ю. Астафьев, «контекст накладывает существенный отпечаток на значение вновь созданных слов» (Астафьев, 2012, с. 26). Чтобы убедиться в верности данного тезиса, достаточно подвергнуть анализу высказывания героев малой прозы писателя, ср.: «Фёкла долго молилась, бормоча себе под нос всякие свои мелкие просьбишки» (Зоценко. Исповедь). Узуальная

лексема «просьба» вытесняется «окказиональным «просьбишки», где на незначительность нужд указывает суффикс. Однако этого автору недостаточно, и он использует определение всякие свои мелкие. Ирония усиливается от обстоятельства действия — представления просьб как невнятно выраженных: бормоча себе под нос» (Астафьев, 2012, с. 26).

Речь «маленького человека» — героя рассказов Зощенко резко отличается от речи персонажей произведений Гоголя, Достоевского, Чехова в плане словообразования и словоизменения. В первую очередь, обращает на себя внимание обилие существительных с суффиксами субъективной оценки, уменьшительно-ласкательными суффиксами, типа «бабешка», «парнишечка», «землишка», «дровишки» и т.д. Нужно подчеркнуть, что появление в речи героев Зощенко подобных производных существительных никак не мотивировано коммуникативной задачей говорящего, не диктуется ситуацией. В приведенном выше примере рассказчик повествует о том, как присутствовал на поминках соседа-маляра: «А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чаишко неважный, надо сказать, — шваброй малость отзывает. И взял я стакашек и отложил к черту в сторону» (Зощенко. Стакан).

С прагматической точки зрения употребление формы «стакашек» излишне, оно придает высказыванию просторечный характер. Особо стоит обратить внимание на глагол «выкушать», управляющий данным дополнением. Этот глагол имеет следующее значение: «Выкушать (устар.). В почтительной речи: выпить, попробовать питье» (Ожегов, Шведова, 1993, с.114). Очевидно, что форма «стакашек» не должна использоваться грамотным, культурным носителем русского языка в данном контексте, в сочетании с опорным словом — элементом высокого стиля — «выкушал», а также в подобной ситуации. Налицо нарушение ситуативной уместности как одного из качеств нормированной, правильной речи. Однако герой Зощенко считает подобные конструкции приметой образованности, высокого уровня культуры, поэтому он так активно употребляет существительные с суффиксами, имеющими уменьшительно-ласкательное значение, ср.: «Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами — оброс бороденкой и вещи подрастерял» (Зощенко. Кризис); «Кирпич-то ведь не зря же везут. Домишко, значит, где-нибудь строится» (Зощенко. Кризис); «Взглянул я на хозяйкино барахлишко — действительно, думаю, не густо: гниль и гнусь, и тряпицы разные» (Зощенко. Брак по расчету); «Подвести можно, — сказал мужик, — только даром мне нет расчета тебя возить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек» (Зощенко. Именинница).

Нужно особо подчеркнуть, что в литературе девятнадцатого века стилистическое использование словообразования для создания речевой характеристики героя получило наиболее яркое воплощение в

творчестве Ф.М. Достоевского. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами передают социальную приниженность «маленьких людей» — героев произведений великого писателя. Подобным образом говорят и персонажи рассказов Михаила Зощенко, ср.: «Вот, дорогой товарищ, как видите, и в моей жизни было счастье-ишко» (Зощенко. Счастье); «Подштанники зашиты, заплатаны. Жить-ишко!» (Зощенко. Баня).

Однако необходимо отметить, что в отношении героя произведений Михаила Зощенко к другим людям наблюдается фамильярность, пренебрежение. Этому способствует использование оценочных пренебрежительных суффиксов: «Некоторые, например, людишки запросто живут на станции «Рыбацкий поселок» (Зощенко. Игра природы); «Папашка — этакий старый революционер» (Зощенко. Жених); «Давеча дамочка вкапалась» (Зощенко. На живца); «Такой довольно грамотный полунинтеллигентный студентик» (Зощенко. Серенада).

Мелочность персонажа, на наш взгляд, сквозит во всех его поступках, но прежде всего в его речи, которая отражает особенности мышления «маленького человека».

Представленные выше примеры являются принадлежностью кодифицированного языка. Они представляют собой, по нашему мнению, меткое экспрессивное средство, помогающее передать, донести до читателя определенное отношение говорящего к предмету речи, являющее важным элементом его речевого портрета. В сатирических рассказах Зощенко подобное экспрессивное словообразование выступает прежде всего как средство создания иронической, сатирической окраски речи, что в произведениях писателя является важнейшим способом описания образа героя, его характеристики.

Важно отметить, что в использовании суффиксов при образовании слов в речи героев Зощенко обнаруживается частотное употребление избыточных морфем, что является грубым нарушением норм русского языка, ср.: «Я тебя, сукинова сына, семь лет не видел, а ты чего это? Деньги требоваешь за проезд» (Зощенко. Не надо иметь родственников).

Как видим, в прилагательном «сукинов» использован избыточный суффикс -ов- (в отличие «сукин», где значение признака как принадлежности содержится в суффиксе -ин-). Слово «требуешь» говорящий искажает в «требоваешь», добавив в морфемную структуру слова суффикс -ова-, который является избыточным в данной словоформе. «Маленький человек» не знает норм образования личных форм глаголов, имеющих в инфинитиве суффикс -ова-, который усекается в формах настоящего и будущего времени.

Интерес представляют и примеры такого характера: «Другой бы на месте Николая Ивановича за волосья выволлок кассиршу из кассы и вернул бы свои пречистые» (Зощенко. Прискорбный случай).

В данном предложении просторечный, разговорный, грубый стиль подчеркивается употреблением модели словоизменения с противоречащим норме суффиксом -j- (волось[ja]). Правильным в этом случае является вариант образования формы множественного числа имени существительного без формообразующего суффикса — «волосы».

Данный суффикс совершенно немотивированно используется героем Зощенко для образования формы множественного числа имен существительных, хотя в целом это имеющий регулярный характер формообразующий аффикс в русском языке (Пантелеев, Ковтуненко, 2019, с. 21), ср.: «Только слышно, что колесья чукают» (Зощенко. Тормоз Вестингауза).

Следует обратить особое внимание на словоформу «колесья». В кодифицированном русском языке она отсутствует. Форма множественного числа подобных существительных образуется без -j-. Этот суффикс в приведенных примерах является также избыточным, его использование приводит к нарушению норм словоизменения.

Подобные нарушения характерны как при образовании форм имен существительных, так и глаголов. Довольно часто герои рассказов Зощенко образуют глагольные формы, не обращая внимания на категорию вида и характер действия, выраженного глаголом, ср.: «Тут многие с места повскакали» (Зощенко. Тормоз Вестингауза).

Сравним вариант рассказчика «повскакали» с правильным — «повскакивали». В использованной героем рассказа словоформе усечен суффикс -ива- (в инфинитиве слова — «вскакивать»), следовательно, ошибка говорящего связана с неверным употреблением глагола в форме совершенного вида. Говорящий образует данную неправильную форму от несуществующей основы «повскака-ть», рассматривая этот глагол в качестве носителя идеи результативного действия, которое в литературном языке обозначает глагол «повскакивать».

Типична для речи «маленького человека» и замена формообразующего суффикса -ти в инфинитиве более распространенным в русском языке формообразующим суффиксам -ть, ср.: «Это, — говорит, — не девятнадцатый год, чтобы дрова преподнесть» (Зощенко. Дрова).

В указанном примере «преподнесть» присутствует свойственная словообразовательным диалектизмам черта. Для диалектных вариантов глаголов, употребляемых в речи «маленького человека», характерно наличие суффикса -ть месте -ти в инфинитиве (например, «везть» в рассказе «Мелкота»). Данные языковые явления — следствие неграмотности говорящего. Никакой экспрессии, иронии говорящий не собирается придавать своему сообщению.

Особым элементом речевой характеристики центрального образа рассказов Зощенко (если говорить о морфемном уровне) является, по нашему мнению, использование слов, полученных в результате сложения (сложносокращенные, слог + слог, слог + слово). Это свиде-

тельствует о влиянии времени на «маленького человека». Следует отметить, что в начале XX века в русском языке появилась целая волна подобных слов. Они заменяли для говорящих различные словосочетания, применялись для сокращения, упрощения строя устной и письменной речи. Безусловно, в результате их доминирования речь стала напоминать цитирование терминологического словаря. Герои Зоценко, активно поддерживающие политику своего времени, считают такие слова необходимыми в своей речи, значительными признаками своей значительности, якобы высокого социального статуса жителей страны Советов, ср.: «Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказал» (Зоценко. Иностранцы); «Председатель жакета говорит...» (Зоценко. Кошка и люди); «Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина — совслужащая соцстраха» (Зоценко. Веселая история); «Может быть, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба» (Зоценко. Галоша); «А между прочим, председатель жилтоварищества обмеривает мою комнату в квадратных метрах...» (Зоценко. Жертва революции); «Нарсудья дело рассматривает и говорит...» (Зоценко. Стакан); «Ну, конечно, жильцы навалились на управдома и стали вязать» (Зоценко. Собачий нюх); «Вот вам и вся культура» (Зоценко. Сильное средство); «Носили по всему дому, показывали вузовцам и разной интеллигенции, но толку не добились» (Зоценко. Качество продукции).

На наш взгляд, слово играет большую роль для понимания замысла автора: «Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки купить» (Зоценко. Баретки). Следует обратить внимание на то, что вместо правильного варианта «полусапожки» говорящий употребляет слово с иным вариантом префиксоида — «полсапожки». Авторская задача состояла не только в том, чтобы отразить речевую неграмотность героя, но и иронически указать на его осознание собственной нищеты. «Половина сапожка» — значит, что денег отца достаточно лишь для того, чтобы приобрести только один сапог для дочери.

Узость мышления героя, его грубость, неразвитость отражается не только в стремлении приблизить язык персонажа к канцелярскому, нарушении принципов словообразования, но и в примерах «словотворчества» в речи персонажа М. Зоценко.

Отметим, что в нормированном языке существуют смысловые аналоги созданных героем слов, но его спонтанные варианты передают наиболее точно мысли говорящего. Подобные слова, как правило, стилистически окрашены. Причиной словотворчества может являться и недостаточный объем словарного запаса человека. Например: «Где тут, — кричит, — ребятишки, бешеная собака? Сейчас мы ее уконтрапуим» (Зоценко. Бешенство); «Да что вы, — говорит, — черти, нормальных собак кончаєте? Совершенно, — говорит, — черти, нормальную собаку уконтрапуили» (Зоценко. Бешенство).

В основе слова «уконтрапупить» («уконтрапупим») присутствует иноязычная приставка контр-, которая стала выполнять в нем роль корня. Связь смысла приставки и корня, на наш взгляд, в данном слове не наблюдается, значение слова становится известным только из контекста, его синоним — «уничтожить».

Словотворчество «маленького человека» — героя рассказов писателя — приводит к подобным последствиям: «Вот пробестия бабища! То есть, граждане, другой такой бабищи во всей Советской России не найдешь» (Зощенко. Матренища).

В данном примере слово «пробестия» точно передает негативное отношение говорящего к предмету речи. Оно образовалось от исконно русского слова «бестия» путем прибавления приставки греческого происхождения «прото-». В результате говорящий создал слово с усиленным эмоциональным значением.

Как известно, немало окказионализмов обязано своей выразительностью экспрессивным аффиксам или особым словообразовательным моделям, которые усиливают интенсивность качества, динамизм действия и благодаря этому воздействуют на адресата сообщения (Голуб, 1997, с. 208). Важно учитывать, что герой рассказов Зощенко строит некоторые слова на основе уже известных литературному языку моделей, слова же приобретают после этого стилистически сниженное значение. В отличие от окказионализмов, например, Маяковского, те индивидуально-авторские слова, которые использует герой сатирического творчества Зощенко, не служат средством воздействия на адресата, а характеризуют образ самого героя, его необразованность, грубость, отсутствие культуры, ср.: «Подкузьмила, одним словом, нас весна» (Зощенко. Режим экономии). Глагол «подкузьмила» образован от имени собственного «Кузьма», в контексте реализуется значение «подвела, обманула надежды».

Окказиональное словообразование — типичная черта речи героя рассказов Зощенко, ср.: «Заблекотал купец, побледнел» (Зощенко. Собачий нюх). Глагол «заблекотал» образован от глагола «блеть» (ср. существительное «блеяние») и имеет значение «издавать звуки дрожащим голосом».

Столь же характерно и появление в речи «маленького человека» грубо-просторечных форм, например: «Лампочки особо мутные. И ужасно высоко присобачено» (Зощенко. Веселенькая история). Словоформа «присобачено» является краткой формой страдательного причастия глагола «присобачить», образованного от существительного «собака». Данная форма грубо-просторечна и означает «повешено, прикреплено».

Приведенные далее примеры иллюстрируют то, что слова, используемые персонажем, обладают грубо-просторечным характером, содержат семантику пренебрежения в своем значении, ср.: «Может, она шибко испугается, и, я так меречаю, может, она снова у нас разгово-

рится» (Зощенко. Медицинский случай); «Оказалось, что хозяин из боязни того, что некоторые зарвавшиеся гости могут слимонить лампочку, выкрутил ее и положил в карман» (Зощенко. Гости). Глагольная форма «мерекаю» означает «думаю» и находится за пределами литературной нормы. Глагол «слимонить» образован от существительного «лимон», является просторечным и означает «украсть».

Появление окказионализмов в речи героя может быть обусловлено банальной необразованностью, отсутствием прочных знаний и умения пользоваться всем богатством словарного состава русского языка. «Маленькому человеку» может быть просто незнакома номинация в русском языке того или иного предмета реальной действительности, ср.: «Тут, конечно, другие вешальщики начали обсуждать эпизод... Бросился до вешальщика... Спасибо, другие вешальщики роняли» (Зощенко. Мелкий случай).

Существительное «вешальщик» в лексике русского языка отсутствует. Оно является результатом словотворчества героя, которому неизвестны слова «гардеробщик», «гардероб». Образованное говорящим слово произошло, на наш взгляд, от глагола «вешать» путем прибавления суффикса со значением деятеля «-льщик».

Так образовался вариант, противоречащий норме, но понятный герою рассказа и подобным ему людям. «Вешальщик» — человек, вешающий одежду.

Попытки же героя сатирических произведений писателя выглядеть образованным, умеющим использовать «умные» слова, т.е. книжную лексику, тоже выглядят неуклюжими и показывают истинный уровень культуры «маленького человека», ср.: «Смешно, — говорю, — народный судья. Прямо, — говорю, — смешно, какие ненормальности» (Зощенко. Папаша).

В данном примере слово «ненормальности» было образовано от прилагательного «ненормальный» путем прибавления суффикса -ость, имеющего абстрактное значение. Образование отадекватного существительного отражает стремление «маленького человека» использовать в своей речи абстрактные имена существительные как элементы книжного стиля.

Таким образом, можно очертить круг основных особенностей морфемного строения слов в речи персонажа М. Зощенко. Среди морфологических способов, в которых частотным является нарушение норм русского языка, выделяются приставочный и суффиксальный способы образования окказионализмов.

Из неморфологических способов наиболее интересны в плане анализа нарушений языковых норм субстантивация, прономинализация.

Немаловажно отметить, что специфичные способы словообразования в текстах произведений писателя представляют собой отступление, нарушения норм словообразования. Это выражается в неверном подборе аффиксов при образовании слов (когда их значение не учи-

тывается говорящим; когда в них происходят недопустимые нормой чередования согласных). В речи «маленького человека» интенсивно употребляются оценочные суффиксы.

Особое место в речевом портрете героя рассказов писателя занимает словотворчество говорящего. Словотворчество можно рассматривать как характерную черту его языка, так как в результате этого процесса образуются слова, имеющие окказиональное значение и в связи с этим дающие оценку их создателю. Обширный пласт речи «маленького человека» в рассказах М. Зощенко составляют словообразовательные диалектизмы, элементы просторечия.

Все указанные особенности речи героя указывают на отсутствие образования, передают черты характера «маленького человека»: мелочность, самоуверенность, пренебрежение к окружающим, страсть к вещам и пренебрежение к людям, иллюстрируют влияние времени на человека.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОЗЕ М. ЗОЩЕНКО

3.1. ВУЛЬГАРИЗМЫ И ПРОСТОРЕЧИЯ В РЕЧИ ГЕРОВ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

«Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно слово», — писал великий русский критик В.Г. Белинский (Белинский, 1952). Взаимоотношение слова и образа в художественном произведении — одна из важнейших проблем стилистики.

Образ, как нам известно, понятие литературоведческое. Обычно под художественным образом понимают воспроизведение типических явлений жизни в конкретно-индивидуальной форме. Слово же, выполняя свою эстетическую роль, является важнейшим средством создания художественного образа. В книге «Стилистика художественной речи», говоря о художественных произведениях, А.М. Ефимов пишет: «Каждое слово выступает в них тесно спаянным, слитым, с изображаемыми картинками, образами и характерами, в силу чего оно приобретает особую эмоциональность и выразительность» (Ефимов, 1992, с. 39).

Итак, слово, будучи средством создания художественного образа, обнаруживает свою стилистическую способность — образность.

Бесспорным будет утверждение о том, что писатель, решивший изобразить характер человека, должен установить существенные черты, которыми определяются его действия и поступки. Для этого писатель присматривается к жизни множества людей, отмечает у них отдельные, наиболее характерные черты, прислушивается к их речи.

Так в сознании автора художественного произведения возникает целостный образ, который затем реализуется в литературном портрете, и его составляющие, в том числе и в речевом портрете.

Мы можем, таким образом, говорить о некоем речевом, словесном образе в литературе. Связь образа и его словесного качества прямая: чем выше качество слова, формирующего образ, тем глубже и сильнее воздействие самого образа.

По мнению В.В. Виноградова, «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа. Необходимо лишь, чтобы применение их в целях художественной образности было стилистически и эстетически оправдано» (Виноградов, 1978, с.119).

Словесный образ бывает разного строения. Академик В.В. Виноградов выделяет различные типы словесного образа: «Он может состоять из слова, сочетания слов, из абзаца, главы литературного произведения» (Виноградов, 1978, с. 120).

Но словесный образ всегда является эстетически организованным структурным элементом стиля литературного произведения. Этим определяются и формы его словесного построения, и принципы его

композиционного развития. Вот почему, по словам В.В. Виноградова, «образы могут сочетаться в последовательно развертываемую цепь. Могут соотноситься один с другим в стилистической системе литературного произведения на расстоянии больших отрезков текста, но могут включать в себя друг друга, развиваясь в сложный, многопланный единый образ. В этом состоит специфика словесных образов.

И в этом заключается сила позиции тех филологов и литературных критиков, которые защищают примат языка, примат слова как в вопросах образности художественного произведения, так и вообще в кругу проблем, относящихся к словесной форме, а тем самым и к существенным сторонам содержания произведений художественной литературы» (Виноградов, 1978, с. 123).

Для подтверждения художественности, поэтичности речи художественного произведения нужно включить в его исследование структурно-языковое обоснование.

Вульгаризмы и просторечия в речи героев М. Зощенко составляют обширный пласт его лексикона. Отметим, что они встречаются в подавляющем большинстве рассказов сатирика, ср.: «Конечно, в милицию. — сказала гражданка, — Обязательно в милицию... А то еще другой вкапался... Мужчина, славный такой, добродушный...» (Зощенко. На живца).

Глагол «вкапался» (вкапаться) употреблен в данном монологе в значении «попался». Но если второе слово стилистически нейтрально, то первое — грубо-просторечное.

Героиня, которая «ловит воров на пакет, как рыбак на живца», используя такой глагол, передает собственное негодование, ненависть к этим якобы приличным людям. Образное значение глагола подчеркивается наличием краткой описательной характеристики персонажа: «славный такой».

Прилагательное «славный» в данном контексте имеет стилистическую помету — стилистически сниженное. Так, в спонтанном, обрывистом монологе героини читатель чувствует ее характер. Это заурядная «гражданка», которой кажется, что она обязана исполнить государственный долг — выявить подозрительное лицо. Она, по ее мнению, должна доказать окружающим, что порядочно выглядящие люди чаще всего нечестны. Сама же она притворщица. Этот персонаж хитер, но не умен. Такая житейская «хитрость» присуща людям низкого социального положения.

Речь героев рассказов писателя пестрит лексемами, имеющими ярко выраженную принадлежность к грубо-просторечной лексике, ср.: «Его кирпичом по балде звездануло... Неси, говорю, курицын сын. Сегодня заложим» (Зощенко. Дрова). В данном примере слово «балда» означает «голова», «звездануло» — «ударило».

В приведенном выше предложении вульгаризмы передают не колорит происходящих событий, а низкий уровень культуры говорящего. Иным образом герой не может выразить свою мысль, скудный

лексический запас компенсируется разнообразием малораспространенных или не принимаемы литературной нормой слов.

Обращения типа «сукин сын», «курицын сын» возможны в речи человека с низким уровнем образованности, такого героя, который не задумывается над тем, как нужно выразить свое эмоциональное состояние, воплотить в словесной форме свою мысль. Данный пример не единственный в рассказах М. Зощенко, ср.: «Ведь это башку отломить можно. Упасть если» (Зощенко. Пассажир).

Следует отметить, что «голова» в данном предложении названа «башкой», т.е. используется грубое просторечие. Слово «отломить» употреблено вместо «сломать». Первое также является примером грубо-просторечного слова.

Нелюбознательному герою не присуща доверительная манера общения (он, видимо, боится собственного страха, возмущения перед окружением), грубая тональность речи. Он необразован. Поэтому боится, не открывается людям, говорит невпопад то, что не интересует собеседников: «Я, говорю, не своей охотой еду. Меня, говорю, Васька Бочков втравил» (Зощенко. Пассажир). «Втравил» в данном монологе имеет синоним «привлек» в стилистически-нейтральном пласте лексики или книжное «вовлек». Но слово «втравить» более точно передает недовольство героя произошедшим действием, ведь он явно не одобряет Бочкова, своего товарища. Ср.: «Тут поднялась катавасия» (Зощенко. Рабочий костюм).

В приведенном выше предложении стилистически сниженным «катавасия» четко передается характер происходящих событий. У данного слова довольно богатый синонимический ряд: «гвалт, шум, бес порядок, хаос, сумятица». Но следует заметить, что «катавасия» означает несколько одновременно происходящих событий, сопровождающихся звуками, движениями беспорядочного характера. Такая художественная точность, по нашему мнению, не является заслугой рассказчика, т.к. он не знает норм правильного языкового выражения мыслей. Лексикон данного персонажа беден, наполнен словами со сниженным значением, просторечиями, ср.: «Выперли, братцы, его из ресторана... А ты, говорит, даже на лестнице наблевал» (Зощенко. Рабочий костюм).

Приведенный нами пример иллюстрирует незнание героем М. Зощенко норм лексики русского литературного языка. «Выперли», «наблевал» в кодифицированном языке имеют смысловые аналоги, нейтральные синонимы.

Таким образом, в результате проведенного наблюдения мы отметили, что автор сатирических новелл использует вульгаризмы, просторечия в речи своего персонажа для того, чтобы передать уровень культуры, образования «маленького человека», ярче обрисовать качества его характера (несдержанность, отчужденность, скрытность, примитивность мышления), изобразить происходящее глазами героя через призму его сознания.

3.2. СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ В РЕЧИ ГЕРОЯ РАССКАЗОВ М.М. ЗОЩЕНКО

Смешение стилей, по нашему мнению, является характерной чертой речи «маленького человека» в рассказах писателя. Особо следует отметить частотное смещение разговорно-бытового и официально-делового стилей.

Слова, находящиеся за пределами лексической нормы литературного языка. Бесспорно, такой процесс представляет собой нарушение норм стилистики. Причина этого кроется в авторском замысле.

Нарушение норм вызвано желанием автора создать комический эффект, бюрократизацией всех форм жизни общества в застойный период, которая привела к тому, что в русском языке чрезмерно усилилось влияние официально-делового стиля, элементы этого стиля, неоправданно употребленные за его пределами, называются канцеляризмами. Следует отметить, что герой Зощенко даже иногда мыслит канцеляризмами.

Это связано с тем, что предложения, изобилующие речевыми штампами, канцеляризмами, не имеют конкретного значения и помогают говорящему показаться малокультурному собеседнику знающим, сложным человеком. Абсурдность его речи будет видна только человеку, знающему особенности русского языка, его нормы, ср.: «Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре-то она и развернула свою идеологию во всем объеме» (Зощенко. Аристократка).

В каждом из трех предложений нарастает, усиливается передача негодования рассказчика, искренне возмущенного происходящим. На фоне простых по структуре предложений, слов, нейтральных по значению, выделяется канцелярское «пролетарское» выражение «развернула свою идеологию во всем объеме». Разговорный стиль смешивается с пролетарским канцеляризмом.

Это своеобразный апофеоз возмущения героя, выполняющий в тексте рассказа роль экспозиции. То есть, таким образом, вымышленный повествователь пытается настроить своего читателя на нужное автору восприятие представленной в тексте ситуации, помочь ему предвосхитить то, что должно вскоре произойти. Но дело в том, что читатель, знающий законы русского языка, не поймет, о чем конкретно идет речь в последнем предложении экспозиции.

Смысл в данном примере не имеет концентрации, он размыт, многозначен. Употребление представленного речевого штампа свидетельствует о неумении говорящего правильно, понятно для собеседника или читателя строить свою речь.

Приведенный выше пример, на наш взгляд, иллюстрирует влияние времени, политики на героя. Он живет в ту эпоху, когда использование подобных канцеляризов в речи приветствуется. Это видно по тому, что герой самоуверенно считает себя, видимо, понятным чита-

телю, потому и говорит следующим образом, ср.: «Хозяин держится индифферентно — ваньку валяет» (Зощенко. Аристократка).

Данное предложение отражает желание рассказчика эффективно выразить свою мысль. «Индифферентно» — слово, характерное для книжного стиля, «ваньку валяет» — стилистически сниженное выражение, фразеологизм из разговорной речи. Для человека, знающего нормы литературного языка, подобное сочетание в предложении книжной лексики и просторечного фразеологизма недопустимо. Оно выглядит абсурдно, комично.

Однако примеров подобного комизма, который создается за счет смешения элементов разных стилей языка в одном контексте, в текстах рассказов Михаила Зощенко значительное количество, например: «Когда машина была осмотрена, многоуважаемый товарищ Деревяшкин, похвально отозвавшись об американцах, сказал несколько вступительных слов о пользе гениальных изобретений... Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалование плюс за сверхурочные» (Зощенко. Диктофон).

Приведенный пример ярко иллюстрирует использование автором официально-делового стиля. Построенный таким образом текст приемлем для отчета бухгалтера или другого работника производства или для заметки в публицистическом журнале. К признакам делового и публицистического стилей в данном тексте относятся употребление причастий («осмотрена»), наличие официальных обращений, номинаций «товарищ Деревяшкин, товарищ Тыкин, Василий», присутствие в ней лексем типа: «сверхурочные, жалованье, похвально, шестой разряд» и других характерных для книжных стилей слов.

Последнее предложение отличается своим лексическим составом от предыдущих, от манеры, заданной говорящим в начале монолога. Герой продолжает описание происходящих событий, заостряя свое внимание на внешних чертах людей.

Высказывание «худой такой, длинный» неуместно в официальной обстановке, якобы присущей всему повествованию. Мещанский подход рассказчика к объекту речи нарушает серьезную тональность рассказа персонажа, который свое восхищение передает, «канцеляризируя» собственную речь. Читатель с низким эстетическим вкусом, малообразованный, не почувствует смены тональности повествования, воспримет всерьез рассказчика как умного и прекрасно владеющего нормами русского языка человека. Но другой читатель поймет иронию сатирика.

Герой рассказов М.М. Зощенко либо незаметно для себя переходит с книжного стиля на привычный разговорный с обилием просторечий и вульгаризмов, либо наоборот: разговорное начало фразы резко сменяется официально-деловым стилем, ср.: «Недавно Володьке Гусеву

припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья» (Зоценко. Папаша).

Если первое предложение — пример простого предложения из разговорно-бытового стиля, судя по лексическому наполнению (см.: «Володке припаяли»), то второе явно отличается от заданного стиля. Можно было, продолжая смысл и специфику первого, второе предложение построить следующим образом: «Его называли папашей и заставляли алименты платить». Но официальность и канцелярский тип второго авторского предложения передает ему иронию.

Канцелярский штамп — «с обязательным отчислением третьей части жалования» — использован с целью сделать официальным характер повествования, но результатом оказывается комический эффект. Насмешка М. Зоценко адресована и незатейливому «папаше», и рассказчику, который пытался «острить» над решением суда и явно с ним не согласен.

Весьма часто мы видим в текстах рассказов неуклюжую попытку простоватого человека, привычного к разговорному стилю, к использованию лексики сниженного характера, вдруг перейти к малознакомому книжному стилю с целью показать себя новым человеком новой страны, умным и образованным, ср.: «Ну а пока что-то трудновато насчет квадратной площади. Скуповато получается ввиду кризиса» (Зоценко. Кризис).

Следует отметить, что нищий герой, повествуя о своей жизни в Москве, о том, как он жил с семьей в ванной комнате коммунальной квартиры, боится показаться смешным собеседнику и читателю. Именно поэтому в начале предложения свободно выражает в нем свои мысли («Ну а пока что-то трудновато..., скуповато получается...»).

Последующая часть предложения по стилю отлична от начальной. Выражения типа: «насчет квадратной площади», — должны придать высказыванию серьезность, заставить прислушаться к нему серьезных, культурных людей.

Персонаж, на наш взгляд, считает, что такие люди пользуются только деловым языком. Его уровень образования становится известным после того, как грамотный читатель видит его манеру построения речи, характер использованных им языковых средств: «скуповато, трудновато» — наречия с суффиксом субъективной оценки, сочетание «ну а пока что» характерны для разговорной речи. Вставленные в речь «маленького человека» канцеляризмы создают эффект комизма. Авторская ирония явственно сопровождает фразы героя, хотя «маленький человек» с горечью рассказывает о своей трудной жизни.

Таким образом, можно отметить, что прием смешения стилей довольно распространен в произведениях М. Зоценко и направлен на создание комического эффекта, иронической тональности повествования, а также отражает специфику способа мышления рассказчика, главного героя новелл писателя-сатирика.

3.3. ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РЕЧИ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЗОЩЕНКО

Человек неграмотный, не обладающий высоким уровнем культуры, но при этом стремящийся показать себя умным и образованным, всегда испытывает трудности при употреблении слов незнакомых, имеющих книжный характер, а также слов, не являющихся частью исконной лексики. Не является исключением и герой сатирических рассказов Зощенко, использующий иноязычные заимствованные слова так, что это ярко подчеркивает истинный уровень культуры, образованности «маленького человека» — представителя нового общества 20-х годов прошлого столетия. Писатель многократно заставляет своего героя употреблять заимствованные слова невпопад, искажая их значения или фонетический состав, подменяя одну иноязычную лексему другой.

Прием изменения, искажения значения иноязычных слов в речи «маленького человека» достаточно часто встречается в произведениях Зощенко и играет важную эстетическую и художественную роль. Герой рассказов писателя может употреблять заимствованное русским языком слово в неверном значении, поскольку просто не знает истинный смысл иноязычной лексемы, ср.: «Стал поскорее физию тряпочкой тереть, гляжу — начисто сходит серый свет бордо» (Зощенко. Четыре дня). Приведенный пример показывает, как в стилистически сниженном тоне герой рассказывает об «излечении» от неизвестного недуга. В данном предложении слово «физия» использовано вместо слова «физиономия» (прекрасный пример усечения звукового состава иноязычного слова).

Гораздо более интересным, если мы говорим о лексическом уровне средств создания комического, представляется нам словосочетание «серый цвет бордо». Знающий языковые нормы читатель не согласится с использованием подобной конструкции. Слово «бордо» — заимствование из французского языка, данное прилагательное имеет следующее значение: «Бордо. неизм. Темно-красный» (Крысин, 1998, с. 124).

«Серый цвет темно- или густо-красный» — таким образом выглядит это словосочетание после замены иноязычного на русский синонимический вариант. Следует отметить, что данное словосочетание алогично. Говорящий не видит этого и использует подобный алогизм в своей речи. Причина заключается в том, что ему неизвестно значение слова «бордо». Используя его, «маленький человек» преследует цель придать важность, серьезность своей речи, своим проблемам.

Безусловно, говоря об употреблении героем Зощенко иноязычных слов, чье значение совершенно незнакомо «маленькому человеку», трудно обойти своим вниманием знаменитый рассказ «Обезьяний язык», квинтэссенцию алогичности, абсурда, связанного с попыткой необразованных представителей нового общества показать себя умными и значительными персонами, владеющими официально-

деловым стилем языка, грамотно использующими вторгающийся в жизнь новой страны канцелярит, ср.:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

— Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался — только держись (Зощенко. Обезьяний язык).

Следует отметить, что писатель комбинирует языковые средства, добываясь тем самым более широкого, выпуклого изображения личности говорящего персонажа. В приведенном выше примере в серьезной, на первый взгляд, беседе явно выступают черты волнения, наигранной серьезности героев. Это следует из ремарок-замечаний автора. Фальшь становится видимой, если представить весь диалог в ином виде. Его бессмысленность выступает более ярко, когда мы заменяем иноязычные слова их русскими синонимами:

«Пленарный (лат. *plinarius*). Происходящий при участии всех членов данного выборного органа, данной организации и т.п.» (Крысин. 1998, с. 540).

«Кворум — неверное, от «форум» (лат. *forum*). 1. Площадь в древнем Риме, где сосредотачивалась общественная жизнь города; 2. Широкое представительное собрание» (Крысин, 1998, с. 757).

При этом нужно обратить внимание, что наряду с канцеляризмами, иноязычными словами используются в рамках данного предложения разговорные, просторечные выражения типа «али как», «то-то», «гляжу» (вместо «смотрю»), «будьте покойны», «только держись».

Такая специфическая манера построения речи, необычный выбор разностилевых средств характерны для неграмотного человека. Так, неоправданно используя канцелярские штампы, стилистический контраст, автор иронизирует над «пролетариями», желающими передать всю важность происходящего и свою «политическую подготовку».

Герои рассказа преисполнены собственной значимости, им кажется, что обильное употребление умных иностранных слов делает человека еще более значительным, интеллигентным, приобщенным к новым реалиям и новому стилю жизни общества. Поэтому не получивший ранее должного образования герой Зощенко изъясняется так:

— Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить (...), то да — индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, — строго поправил второй (Зощенко. Обезьяний язык).

В данном случае представляется необходимым остановиться на значении использованных в диалоге слов:

«Перманентный» (от перманентный, фр. *permanent*) — постоянный, непрерывный (Крысин, 1998, с. 526), соответственно, наречие «перманентно» имеет значение «постоянно, непрерывно».

«Индустрия» (нем. *industrie*) — фабрично-заводская промышленность с машинной техникой (Крысин, 1998, с. 273);

«Фактически» (от «факт», польск. *fakt*) — 1. Действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует. 2. «Да, действительно, так и есть» — реально» (Крысин, 1998, с. 730).

Смысл в словосочетаниях «конкретно фактически», «индустрия конкретно», «индустрия из пустого в порожнее», «отношусь довольно перманентно» отсутствует, значения иноязычных слов обыгрываются автором в речи рассказчика. Герою эти значения неизвестны. Видимо, данные слова были услышаны «маленьким человеком» из уст авторитетной для него личности, но не были поняты им.

Время заставляет героев Зоценко говорить «умными» словами. Комбинация иноязычных слов официально-делового стиля с разговорными, просторечными словами («небось», «оттуда», «из пустого в порожнее», «прямо скажу») подчеркивает необразованность говорящего. Автор смеется над жертвами пролетарских собраний, откровенно иронизирует по поводу их стремления казаться умными и высококультурными людьми. Но именно в этом смехе слышится ощущение трагизма, безысходности положения «маленького человека», который попадает «в совершенно новые для него условия культурной жизни и в новую для него социальную роль — роль человека, от которого вроде бы требуется участие в новых для него формах бытия» (Голубков, 2002).

Типично для «маленького человека» использовать в своей речи красивые, «умные» иноязычные слова, не замечая неуместности употребления заимствования в данной конкретной ситуации, в определенном контексте, ср.: «А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикничок устроила» (Зоценко. Стакан).

В данном предложении иноязычное слово выглядит совершенно неуместно. Ситуация следующая: умер человек, и на сороковой день его вспоминают родные и знакомые. Однако герой-рассказчик называет поминальный обед «пикничком», не представляя, насколько странным является использование данного слова применительно к совсем не веселому мероприятию. Лексическое значение заимствования из французского языка незнакомо говорящему: «Пикник» (фр. *pique-nique*) — загородная увеселительная прогулка компанией (Крысин, 1998, с. 531).

Праздничная, мажорная тональность создается говорящим при употреблении этого слова в предложении. Происходит это в результате искаженного понимания героем данного иноязычного слова. Выра-

зительное средство лексического уровня в сочетании с морфемными особенностями употребленных слов (-очк-, -ок- — т.е. наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов, способных передавать уничижительную оценку) передают, по нашему мнению, низкий уровень культуры, отсутствие знаний, но при этом желание героя Зоценко быть красноречивым, образованным, полностью соответствующим новому времени и новому обществу.

Стремление говорить не так, как на самом деле привык изъясняться человек, приводит героя к необходимости употреблять то, что он слышал, но не понял, не освоил, ср.: «Тут поднялась такая катавасия. Потому народ видит — идеология нарушена» (Зоценко. Рабочий костюм). Рассказчик использует французское по происхождению слово «идеология», считая, что это заимствование как элемент книжного стиля будет очень удачно смотреться в данном контексте. Однако сама ситуация не располагает к употреблению слова, имеющего следующее значение: «Идеология. Система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, партию, общество» (Крысин, 1998, с. 260).

Данный прием иллюстрирует неуместность использования иноязычного слова, канцелярского штампа для передачи особенностей происходящих событий. Герой-повествователь в данном рассказе демонстрирует напускную серьезность в отношении к действиям, событиям, которые не предполагают такого подхода. «Маленький человек» уверен в своей правоте, говоря о «нарушении идеологии» применительно к «катавасии», связанной с тем, что пьяного героя рассказа не пустили в ресторан.

Употребление иноязычных слов в неверном значении в речи персонажей соответствует главным прагматическим задачам писателя-сатирика. Михаил Михайлович Зоценко целенаправленно использует в речи своих героев незнакомые им слова, чтобы показать читателю ограниченность мышления персонажей сатирических новелл (герои говорят так, как это принято), их скудную речевую культуру. Однако автор также стремится продемонстрировать читателю истинный, искривленно-уродливый уровень самооценки героев, которые считают себя достойными, знающими собеседниками, способными заинтересовать окружающих своей речью, пытаются показать свою принадлежность к новому победившему строю, но именно пытаются, а не стремятся действительно повысить свой уровень, получить новые знания. Не нуждается в доказательствах следующий тезис: «Вечная проблема большого писателя: он не может врать, он пишет о том, что болит, пусть и смеясь» (Кучкина, 1996). Пустые фразы, бестолково употребляемые иноязычные слова, ранее где-то услышанные без какого-либо представления о значениях этих заимствований — это часть речевого портрета «маленького человека», высмеиваемого писателем.

3.4. НАРУШЕНИЕ НОРМ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ

Неотъемлемой чертой лексики безграмотного героя Зощенко является постоянное нарушение норм лексической сочетаемости слов, в результате чего в ней возникают алогизмы и оксюмороны, не имеющие эстетического, художественного значения, а лишь характеризующие уровень культуры и образованности говорящего. Как отмечается в современной комбинаторной лингвистике, «различные модификации с сочетаемостью, в том числе намеренное нарушение сочетаемости, применяются говорящими для выполнения определенных стилистических и прагматических задач, в частности для достижения комического эффекта» (Влавацкая, 2016).

Герой Михаила Зощенко часто нарушает привычную сочетаемость слов, выводит ее за рамки жестко заданной сочетаемости, имеющей несвободный характер, ср.: «Братцы, да это же уголовная собачка Трефка» (Зощенко. Собачий случай). Словосочетание «уголовная собачка» в данном примере аналогично, т.к. слово «уголовная» имеет, по мнению В.В. Виноградова, фразеологически связанное (Виноградов, 1953) или же лексически связанное значение (Сулименко, 1983), т.е. значение несвободное, ограниченное в своей сочетаемости. На это указывает лексическое значение слова «уголовный»: «Уголовный» — относящийся к преступности, к преступлениям, и их наказуемости (Ожегов, Шведова, 1993, с. 813).

В своем прямом значении указанное прилагательное не может сочетаться со словом «собачка», обозначающим предмет живой природы, никак не связанный с преступным миром и идеей наказания за преступления.

К нарушениям лексической сочетаемости в речи героев рассказов Зощенко приводит также подмена паронимов, ср.: «И нужна мне для этого собака особо крепкая, фигурная, чтоб хвост у нее был дыбом, чтоб она, стерва, бодрилась под ножом» (Зощенко. Собачий случай). Прилагательное «фигурный» имеет следующие значения: «Фигурный. 1. Фигура. 2. Имеющий вид какой-нибудь геометрической фигуры, узора. 3. Исполняемый с фигурами» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 839). Сложность для говорящего-рассказчика в том, что в русском языке существует паронимическая пара «фигурный — фигуристый» и значение прилагательного «фигуристый» совершенно иное: «Фигуристый. 1. Замысловатый по форме. 2. Имеющий хорошую или заметную фигуру» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 839). На наш взгляд, грамотный читатель легко определит, что рассказчик хотел сказать «фигуристая собака» (словосочетание стилистически сниженное, но не нарушающее норм лексической сочетаемости), имея в виду строение ее тела, «фигуру». Но, употребив вместо него алогичное словосочетание «фигурная собака», герой Зощенко нарушил логику высказывания.

Писатель часто использует подобную подмену в речи своих персонажей, тем самым ярко демонстрируя истинный уровень своего героя. Такой прием М.Б. Крепс рассматривает как малапропическую подмену: «Данный прием заключается в подмене требуемого по смыслу слова другим словом, близким первому по звучанию, но ничего общего не имеющим с ним по значению. В контексте такое слово нормативным читателем воспринимается как курьезная ошибка. Термин «малапропизм» — слово не к месту, от французского *mal a propos*, ведет свое происхождение от имени героини комедии «Соперники» Шеридана миссис Малапроп, которая в силу своей малограмотности часто употребляет одно слово вместо другого» (Крепс, 1986, с. 53). Прием «малапропической подмены» является в текстах рассказов Михаила Зощенко одним из важных способов создания комического эффекта.

Стоит отметить, как высока концентрация примеров подобной подмены в речи героев зощенковских рассказов, при этом невнимательный читатель не всегда сразу может увидеть всю абсурдность, алогичность фраз персонажей, ср.: «Это, — говорит, — даже моя специальность — доставать опытных собачек» (Зощенко. Собачий slučaj). В приведенном примере словосочетание «опытные собачки» не имеет смысла, хотя сама сочетаемость, на первый взгляд, вполне нормативна. Прилагательное «опытный» обладает следующим значением: «Опытный. 1. См. опыт. 2. Обладающий опытом» (см.: Ожегов, Шведова, 1993, с. 449). Несмотря на то, что слово «опытный» имеет свободное значение, не ограниченное рамками узкой сочетаемости, в данном контексте это сочетание «опытные собачки» лишено смысла, алогично. По нашему мнению, необразованный герой имеет в виду «подопытное» животное, говоря об «опытной собачке», ср.: «Подопытный. Такой, который служит предметом научного опыта» (Ожегов, 1993, с. 530).

Причина такого построения речи говорящим кроется в нехватке знаний, недостатке образованности и низком культурном уровне героев рассказов писателя-сатирика. Употребляя несочетаемые в кодифицированном языке слова, герой руководствуется целью предстать перед собеседником в более выгодном, по его мнению, виде, показать свое умение изъясняться витиевато, якобы умно и красиво.

Подобные примеры встречаются в огромном количестве зощенковских рассказов, где герои писателя пытаются говорить с претензией на образованность, как люди новой формации, представители нового советского общества. Но выглядит эта попытка смешно и жалко, ср.: «Но факт, что забрела и явно нарушает общественный беспорядок... А тут, как на грех, — товарищ Дрожкин с супругой» (Зощенко. Административный восторг). «Нарушает беспорядок» — словосочетание, являющееся очередным проявлением абсурда в речи героя сатиры. В данном примере рассказчик ошибся в выборе слова, спутав

два однокоренных существительных («порядок» или «беспорядок»). Канцелярский штамп, который должен быть использован в предложении, выглядит в действительности так: «нарушать общественный порядок». Существительные «порядок» и «беспорядок» имеют противопоставленные значения, т.е. антонимичны друг другу, ср.: «Порядок. 1. Правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 556); «Беспорядок. 1. Отсутствие, нарушение порядка. 2. Волнения в обществе, выражающие протест против властей» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 42). Алогизм подчеркивает то, что говорящий не обращает внимания на построение речи, ее логику, отбор нужных языковых средств.

Как правило, подменяют друг друга в речи героя М.М. Зощенко суффиксальные и префиксальные паронимы, ср.: «Отвезши мою помершую бабушку в крематорий и попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом» (Зощенко. Через сто лет). Нейтральное «остатки» подменяет в данном предложении свой суффиксальный пароним, элемент книжного, высокого стиля «останки», о котором говорящий, по-видимому, просто не имеет представления. Однако также возможна в речи героя и малапропическая подмена паронимов, отличающихся звуковым составом корня, ср.: «А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она, скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется и бредит, и с печки падает» (Зощенко. Жених). Герой Зощенко откровенно путается в похожих по звучанию, но не имеющих ничего общего на уровне смысла словах «бредить» и «сбрендить», а использует искаженную фонетически форму «брендит» потому, что глагол «сбрендить» ему более знаком, чем слабо освоенный глагол «бредить». Лексема «сбрендить» является просторечной, выражает презрительную оценку (Ушаков, 2008), и это слово говорящим хорошо освоено, тогда как слово «бредить» он, по-видимому, слышал, но не более того.

Подмена одного антонима другим членом антонимической оппозиции тоже свойственна речи малообразованного героя рассказов Зощенко. В сатирических рассказах писателя весьма часто заменяется слово, необходимое по смыслу в данном контексте, его антонимом. Наиболее характерна подмена слова его комплементарным антонимом, в котором присутствует префикс, имеющий значение отрицания чего-либо.

Комический эффект таких примеров достигается за счет того, что читатель хорошо осознает глупость, алогичность речи персонажа, который пытается сказать одно, а выражает совершенно противоположное, но это противоположное в ряде случаев удивительным образом соответствует действительному положению вещей, ср.: «А жизнь в этом дворце роскошная. Специальная уборщица имеется. Мало ли — убрать чего, или, например, подмести какую-нибудь нужную бумажку» (Зощенко. Гибель строителей); «А тут начали, конечно, ей разные

жильцы советы преподавать. — Ты, — говорят, — цветки делай на пасхальные дни. Или, говорят, перекинься на антисанитарный фронт — полы мой или окошки протирай» (Зошенко. Материнство и младенчество). Герой по незнанию употребляет вместо слова «нужный» его антоним «ненужный», лексему «санитарный» подменяет противоположным по значению прилагательным «антисанитарный». Безграмотность «маленького человека» вызывает смех читателя, однако стоит обратить внимание на то, что, грубо ошибаясь в своей речи, рассказчик очень верно, хотя и неосознанно, характеризует сами ситуации и предметы. Он действительно живет в мире, где в обилии его окружают ненужные бумажки, его окружает антисанитария. Автор иронизирует, но при этом стремится показать, в каких условиях происходит становление представителя нового общества, «маленького человека» эпохи первых лет советской власти.

Лексическое наполнение предложения способно предельно ярко раскрыть, показать читателю глупость, необразованность героя рассказов писателя, неумение правильно оформлять высказывание в устной и письменной коммуникации. Например: «А за столом, между прочим, семь человек сидят — три бабы и два мужика. Пишут» (Зошенко. Муж). Логика высказывания нарушается при составлении обобщающего слова и поясняющих его однородных членов. Семь — это не сумма трех и двух. Такое предложение подчеркивает необразованность персонажа. Трудно представить, что он до такой степени не владеет навыками счета, что не в состоянии правильно сложить числа «два» и «три». Скорее, здесь проявляется неумение «маленького человека» оформлять свои мысли в правильную словесную оболочку, строить грамотное высказывание.

Михаил Зошенко считал, что «писатель должен описывать в человеке не только личное, но и «родовое», то, что в его психике отложила история» (Синявский, 1989), в том числе и эпоха, в которую живет сам человек. Незнание «маленьким человеком» лексического значения многих распространенных в речи носителей языка, нейтральных слов постоянно подчеркивается автором, ср.: «Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет» (Зошенко. Нервные люди). Лексема «скучный» имеет следующие значения: «Скучный. 1. Испытывающий скуку, невеселый. 2. Наводящий скуку, неинтересный» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 716).

Следует отметить, что ни в одном из значений слово не может быть использовано в данном контексте. Рассказчик, по-видимому, имеет в виду неподвижность, бессознательное состояние героя. Мнимый автор, на наш взгляд, не иронизирует, таким образом он выражает свои мысли, демонстрирует «объективную логику».

Уровень речевой культуры «маленького человека» — героя произведений Зошенко — очень низок. При анализе речи героя можно лег-

ко убедиться в том, что говорящий в произведениях сатирика не знаком с особенностями лексики родного языка, необразован, нарушает лексическую сочетаемость слов не с целью пошутить, а потому, что иначе не может выразить свою мысль.

Речь рассказчика не следует рассматривать как нечто полностью лишенное изобразительно-выразительных средств. Герой не всегда ограничивается речевыми штампами в выражении своих мыслей, иногда он иронизирует, высказывается с юмором, стремится заинтересовать собеседника своей речью. В этом персонажу помогает использование слов с непрямой номинацией (метафоры, метонимии), устойчивых сочетаний слов, сравнений.

В употреблении «маленьким человеком» слов с метафорически переосмысленным переносным значением следует отметить одну особенность: герой использует литературные слова в окказиональных переносных значениях, ср.: «И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет» (Зошенко. Аристократка). В данном примере используется в переносном метафорическом значении глагол «стрижет». Лексема «стричь» имеет следующие значения: «Стричь. 1. Что. Срезать и укорачивать, подрезать. 2. Кого. Укорачивать кому-нибудь волосы, шерсть, подрезая» (Ожегов, Шведова, 1993, с. 763).

В данном контексте это слово с зависимым компонентом «глазми», выраженным существительным в творительном падеже, имеет иное переносное значение: «смотреть пронзительно, так, что человек, на которого смотрят, физически чувствует на себе взгляд». Данный перенос номинации с одного действия на другое произошел на основании сходства способа его совершения. Такая метафора снижает образ «аристократки», опошляет его. Это происходит через призму сознания рассказчика, малокультурного человека.

Метафоры рассказчика яркие, индивидуальные, но отличаются грубостью, имеют сниженный характер, ср.: «По этой причине Фекла Тимофеевна, конечно испугалась. И, с перепугу, поскорее захлопнула свой чемодан. И при этом довольно сильно тыпнула военного за палец зубами» (Зошенко. Веселенькая история). Следует остановить внимание на лексеме «чемодан», которая в данном контексте имеет метафорически переосмысленное значение «рот». Основанием для появления этой метафоры стало подмеченное рассказчиком внешнее сходство обоих предметов.

Таким образом, метафора совсем не чужда герою Зошенко, персонажи рассказов довольно часто используют слова в переносных метафорических значениях, ср.: «Представьте себе — весеннее солнышко играет. Природа, так сказать, пробуждается. Травка, возможно, что зеленеть начинает» (Зошенко. Бочка). «Солнышко играет», «природа пробуждается» — примеры особой разновидности метафоры — олицетворения. Оно подразумевает перенос качеств, свойств, действий

одушевленного предмета на неодушевленный. Цель использования олицетворений в художественных текстах — создание яркой, реальной, живой картины природы, углубление эстетического восприятия читателем изображаемого.

Лексемы «играть», «пробуждаться» используются в непрямых метафорически переосмысленных значениях, на что указывает сочетаемость данных слов с неодушевленными существительными «солнышко», «природа». Выражение «солнышко играет» характерно для фольклорной литературы. «Пробуждение природы» — словосочетание, характерное для художественной литературы «Пробуждается» имеет нейтральный синоним «просыпается», но автор использует именно слово «пробуждаться» с целью создания комического эффекта. Книжное, по мнению профессора Д.Н. Ушакова (Ушаков, 2008), слово «пробуждается» звучит комично рядом с вводным сочетанием разговорного характера «так сказать», дальше контраст стиля уже гораздо более заметен. Грамотный читатель чувствует языковой антиэстетизм манеры письма рассказчика.

Читатель, знающий особенности лексики русского языка, обнаружит иронию Зощенко в эпизодах, когда рассказчик попытался блестяще уметь говорить и писать высокохудожественно, красиво. Все это является настоящей пародией на услышанные где-то фразы. Моменты, когда их произносит человек с низким уровнем культуры, подобным уровнем, который соответствует герою рассказов сатирика, выглядят смешными.

Особо следует остановиться на количественном соотношении узальных и окказиональных метафор, метонимий, использованных автором. Индивидуально-авторские метафоры численно доминируют в текстах М. Зощенко. Это, на наш взгляд, связано с тем, что сатирик передает спонтанный характер речи, скудный лексический запас говорящего. Нехватка нормативных лексических ресурсов воплощается в языковой «фантазии» героя рассказов.

Надо отметить, что использование метонимии, ее разновидности — синекдохи встречается гораздо реже в речи «маленького человека», нежели примеры употребления метафоры. Метонимия не играет в текстах автора художественно-эстетическую роль, так как предназначена для упрощения структуры высказывания.

Свою иронию вымышленный автор попытается высказать образно, эмоционально. Попытки рассказчика шутить, на наш взгляд, становятся для грамотного читателя возможностью понять его логику, характер, ср.: «Нэпман, например, у которого, может, в каждом жилетном кармане серебро гремит, тоже навряд ли разберется в этом происшествии» (Зощенко. Тормоз Вестингауза).

Следует отметить, что сочетание слов «серебро гремит» представляет собой пример не прямой номинации. Слово «серебро» выступает в метонимически переосмысленном значении. В основе переноса в

данном случае лежит смежность предметов, перенос наименования происходит с материала на изделие, из него изготовленное (серебряные монеты ← серебро). При чтении выше приведенного предложения явно чувствуется отрицательное отношение говорящего к обозначаемому понятию. Пренебрежительно звучит его замечание о финансовом положении «нэпмана».

Помимо рассмотренных примеров использования в речи «маленького человека» М.М. Зощенко средств создания образности, в ней можно проследить особую роль сравнений.

Следует отметить, что сравнение в текстах сатирика стало вспомогательным средством конкретизации в речи рассказчика, героя. Оно помогает точнее выразить мысль человека, которому не хватает слов для этого, ср.: «А я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным вьюсь вокруг ее и предлагаю: — Ежели, — говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу» (Зощенко. Аристократка).

В приведенном выше примере «вьюсь» — глагол с метафорическим значением — поясняет сравнение, выраженное в форме творительного падежа существительного с зависимыми словами («вьюсь — как? — этаким гусем, этаким буржуем нерезанным»). Сравнение, на наш взгляд, в данном случае звучит фамильярно, пренебрежительно. При анализе этого языкового средства видно отрицательное отношение говорящего к происходящему, к образам и предмету сравнения. Это подчеркивается повторным использованием местоимения «этаким».

Неловкость рассказчика выглядит глупо для окружающих. Все его действия неестественны, наиграны, ср.: «Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается» (Зощенко. Аристократка).

Особо следует остановиться на употреблении сравнительного оборота «что петух», характерного для разговорной речи, устной формы коммуникации. В художественной речи он приобретает просторечное звучание. Просторечный его характер обнаруживается при замене союза «как» на «что» в речи говорящего.

Аналогичные примеры встречаются и в других произведениях Зощенко, ср.: «А на остановке вышел на площадку, освежился малость и домой трезвый прибыл, что стеклышко» (Зощенко. Тормоз Вестингауза); «Приму ее под руку и волочусь, что щука» (Зощенко. Аристократка).

Сравнительные обороты «что щука», «что стеклышко» характерны для разговорного стиля языка. Эти примеры выдают принадлежность говорящего к низшим социальным слоям, как и следующий яркий пример, ср.: «Ужасно вредная бабища. Только что не кусалась... Там, где ссора какая, где по роже друг друга — там и Матренища. Как рыба она в воде ныряет, как кабан в грязи крутится. Кого подначивает, а кого и сама бьет» (Зощенко. Матренища).

В этом примере автор с помощью сравнения дает характеристику центрального образа рассказа. Оценочное значение употребленного в отрывке сравнения отображает культурный уровень говорящего, его эмоциональный настрой, отношение к изображаемому. Сниженный смысловой оттенок этого языкового приема («как кабан в грязи крутится») указывает на то, что данное сравнение относится к разговорному пласту лексики. На наш взгляд, рассказчик испытывает ненависть к героине, ее поведение вызывает у него бурю отрицательных эмоций, что демонстрируют используемые героем-рассказчиком сравнения.

При анализе характера сравнений, используемых в речи М. Зоценко, можно выявить следующие особенности. Во-первых, частотны сравнительные обороты, реже используются в речи формы существительных в творительном падеже в качестве сравнений. Во-вторых, говорящим сравниваются люди (поведение, внешний вид и т.д.) с животными, неодушевленными и предметами окружающего мира. В-третьих, употребление сравнений делает речь говорящего более меткой, хотя и грубой, имеющей сниженный характер, способствует передаче мысли, особенно в случаях, когда герой не может подобрать нужного слова в нормированном литературном языке. Стилистическая сниженность сравнений помогает автору передать особенности характера, способа мышления героя.

3.5. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ЗОЦЕНКО

Использование фразеологических единиц в художественных текстах является средством образной, концентрированной передачи мыслей рассказчика, автора, героя. «Используя образные возможности фразеологизмов, писатели нередко видоизменяют их, переносят в иные сферы жизни, в результате чего возникает новое осмысление, зачастую сатирическое» (Сиротина, 1974, с. 176).

Важно отметить, что речь центрального персонажа рассказов М. Зоценко богата фразеологизмами. В первую очередь это связано с тем, что герой произведений писателя-сатирика — человек «из народа», поэтому он постоянно реализует в своей речи устойчивые обороты, в которых содержится народная мудрость и которые наглядно демонстрируют способ мышления простого народа.

Это становится понятным, когда мы определяем стилистическую направленность используемой героем фразеологии. В результате выделяются частотные фразеологизмы. Отметим, что таковыми являются разговорные, просторечные, имеющие разговорно-сниженную стилистическую характеристику фразеологизмы. Крайне редко используются книжные фразеологические единицы, авторские фразеологические выражения, ср.: «А между тем прожила она с Ива-

ном Савичем почти что пятнадцать лет душа в душу» (Зоценко. Матренища).

Следует отметить, что разговорный характер речи подчеркивается в данном примере при помощи передачи фонетического облика имени собственного, звучащего в живой речи: «Иваном Савичем». Фразеологическое единство «душа в душу» присуще именно такому типу, стило речи и имеет значение «дружно».

Однако довольно часто фразеология, имеющая ярко выраженный разговорный характер, резко контрастирует с выражениями, свойственными официально-деловому стилю, с книжной лексикой, ср.: «А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет» (Зоценко. Аристократка).

В приведенном примере фразеологическое сращение (Виноградов, 1977) создает стилистический контраст. «Ваньку валяет» — значит «бездельничает». Сращение относится к просторечной фразеологии, как и следующая конструкция: «Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос» (Зоценко. Аристократка). Отметим, что «с гулькин нос» — просторечный фразеологизм, имеющий значение «очень мало» (Фразеологический словарь русского языка, 1967, с. 285).

Стоит отметить, что фразеологизмы, имеющие ярко выраженный разговорный характер, обороты со сниженной стилистической окраской очень вольно используются героем Зоценко. В текстах сатирических рассказов писателя нередки случаи трансформации, контаминации устойчивых единиц, не только фразеологических оборотов, но и пословиц, поговорок, ср.: «Вещичек, — говорит, не так много: дыра в кармане да вошь на аркане. Сундучок да перина» (Зоценко. Жених). Нужно обратить особое внимание на использование в данном примере устойчивого выражения «дыра в кармане да вошь на аркане», которая точно передает состояние хозяйства героини, ее бедность. Героиня рассказа использует гибридный вариант, в котором сочетает фразеологизм «дыра в кармане», имеющий значение «пусто» (Михельсон, 2008), и часть пословицы «в одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи», имеющей просторечный характер, выражающей пренебрежительную оценку и применяемой по отношению к предельно бедному человеку, для которого свойственно полное отсутствие карманных денег (Федоров, 2008). Такое обыгрывание значений двух самостоятельных устойчивых единиц, объединяемых в одну конструкцию, герою-рассказчику представляется удачным приемом, позволяющим подчеркнуть предельную степень его бедности, полного отсутствия денег.

Трансформируя устойчивые обороты, заменяя их, герой Зоценко вызывает у автора и читателя смех, ср.: «На второй день, как слег, закрылось у него дыхание — нидохнуть, ничихнуть. Начался отчаянный процесс в легких и замирание всего организма» (Зоценко. Мел-

кота). Грамотный, образованный читатель, знакомый с русской фразеологией, должен обратить внимание на то, что разговорный фразеологизм «ни охнуть ни вздохнуть» заменен героем рассказа на окказиональное «ни охнуть, ни чихнуть».

Сравним: «ни охнуть ни вздохнуть» — «ни охнуть, ни чихнуть». Разговорный фразеологизм «ни охнуть ни вздохнуть» имеет значение «состояние временного физического шока, потрясения» (Федоров, 2008). В то же время использованное рассказчиком сочетание «ни вздохнуть, ни чихнуть» употребляется героем Зощенко в прямом значении, без какого-либо переосмысления, и, по нашему мнению, имеет явные черты иронического взгляда автора на уровень мышления «маленького человека». В подобных примерах читатель видит сатиру Зощенко, его отношение к своему герою. Эффект комического в том, что читателю смешно, он прекрасно осознает, сколь ограниченным и глупым выглядит «маленький человек» в рассказах писателя.

Особенно же комично то, как «маленький человек» использует фразеологизм, даже не подозревая о его закреплённом, устойчивом значении, однако думая, что употребляет оборот правильно, ср.: «Хозяин кричит в три горла, дескать, теперь ведь заведение закрыть могут за допущение разврата» (Зощенко. Рабочий костюм). В приведённом примере оборот «в три горла» имеет, по-видимому, значение «очень громко», на что указывает семантика глагола «кричать». Безусловно, устойчивая конструкция «в три горла» существует во фразеологическом фонде русского языка, но значение данного фразеологизма совершенно другое, ср.: «В три горла. Прост. Презр. Очень много, жадно (есть, пить)» (Федоров, 2008). К сожалению, незнание рассказчиком значения фразеологической единицы, одним из компонентов которой является элемент «горло», приводит к ничем не мотивированному появлению окказионального по семантике оборота в речи «маленького человека», что создает эффект комического.

Это отнюдь не единичный пример полной подмены значения устойчивого оборота героем-рассказчиком. Такие случаи типичны, и их можно назвать одной из ярких черт речевого портрета «маленького человека» в сатирических произведениях писателя, ср.: «Петр, — говорят, — Антонович. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде тукнетесь об тумбу — разобьетесь же» (Зощенко. Сильное средство).

Данное предложение иллюстрирует типичность подмены значения фразеологизма. Оборот «не первой свежести» имеет значение «бывший в употреблении, истрепанный, изношенный, нечистый» (Фразеологический словарь русского языка, 1967, с. 411; Яранцев, 1985). Однако при чтении рассказа становится понятно, что говорящий вкладывает иной смысл в это разговорное фразеологическое единство. Устойчивая конструкция в речи персонажа приобретает значение «опытный», «не молодой», «бывалый», что подчеркивается употре-

лением данного оборота в ряду однородных членов предложения с прилагательным «квалифицированный», ср.: «вы человек квалифицированный, не первой свежести». При этом нужно отметить, что никакой иронии в речи героя нет. Он вполне серьезен в своей оценке качества собеседника, считая того квалифицированным, опытным и молодым человеком.

Как правило, герой рассказов Зошенко использует разговорные фразеологизмы, которые содержат ярко выраженную отрицательную оценку, ср.: «Не стоять же, думаю, над его душой. Теперича, — думаю, — он нарочно три дня будет мыться» (Зошенко. Баня). Разговорный фразеологизм «стоять над душой» имеет стилистическую помету «предосудительно» (Федоров, 2008). Можно вспомнить, что и уже отмеченные нами ранее фразеологические единицы часто сопровождаются в словарях пометами типа «пренебрежительно», «презрительно», помимо указания на их разговорный или же просторечный характер.

Книжные фразеологизмы, крылатые выражения крайне редко, что неудивительно, используются героем в его речи. Можно отметить лишь единичные примеры их употребления, ср.: «А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент брать, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать — сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в своем отечестве» (Зошенко. Волокита). Следует отметить, что в данном примере рассказчик обыгрывает значение крылатого выражения, чье происхождение восходит к Библии.

Данное устойчивое выражение имеет следующее значение: «люди не верят в талант, гениальность или истинность слов человека, который находится рядом с ними. Предполагается, что все истинно мудрое, правильное и т.п. может родиться не здесь, а где-то в прекрасном далеке» (Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2004). Крылатое выражение, на наш взгляд, помогает говорящему подвести промежуточный итог высказыванию. Судя по всему, рассказчик восхищается Федором Кульковым, искренне сочувствует человеку, о котором говорит. Неблагодарными, по мнению автора, оказываются окружающие, не оценившие «заслуживающего их уважения» Федора. Но вместе с тем библейский по происхождению афоризм служит для создания стилистического контраста, комического эффекта, способствует меткому выражению писателем его иронического отношения к герою повествования, который так искренне сочувствует «достоинейшему и не оцененному по заслугам» гражданину Кулькову, ныне отсиживающему тюремный срок.

Обобщая все вышеперечисленное в этой главе нашей книги, можно сказать, что лексика героя М.М. Зошенко является яркой характеристикой персонажа. Бесспорно, особенности словарного запаса «маленького человека» как элемент его речевого портрета способствуют

точному представлению литературного образа этого персонажа, способ его мышления, уровня его культуры, образования.

Неслучайно язык героя Зоценко был назван «бисером» (Сарнов, 1996). На лексическом уровне язык «маленького человека» представляет собой богатый арсенал употребления средств разговорной речи.

Использование диалектных, просторечных слов, вульгаризмов в речи персонажа характеризуют его бескультурье, низкое социальное происхождение. В произведениях сатирика они, на наш взгляд, колоритно рисуют ограниченность художественного образа, быт этого героя. Это может быть языковая игра (так называемая «языковая маска»), которая сделает шутливой тональность повествования, уместной в данной речевой ситуации. Но в произведениях писателя этот прием встречается реже, нежели употребление данных средств лексики как характерологической единицы речи «маленького человека».

Прием стилового контраста, по нашему мнению, является ведущим в манере построения речи героя. Перемещение слова или выражения из одного стиля в другой порождает резкий диссонанс, который свидетельствует о неумении говорящего правильно строить свою речь. Этот прием в текстах М. Зоценко реализуется в виде включения канцелярских штампов книжной речи в неофициальную разговорную речь. Реже встречается в ней переплетение иностилевой лексики другого рода — высокой, устаревшей, книжно-поэтической.

Частотно употребление иноязычных слов, значение которых обгрывается персонажем в его речи. В приеме раскрывается желание героя казаться культурным, образованным, его завышенная самооценка. Комический эффект создается в подобном словоупотреблении за счет того, что значение слов неизвестно герою. Резкий комический эффект автор создает при использовании нарушения лексической сочетаемости слов в речи героя.

Помимо описанных средств сатирик использует в речи «маленького человека» различные виды непрямых номинаций, посредством которых, на наш взгляд, строится общее явление контраста между способом словесного определения — наименованием в широком смысле и денотатом (именуемым).

Важно отметить, что Зоценко умело вставляет в речь рассказчика различные сравнения разговорного типа, способствующие созданию эффекта стилизации реальной, живой речи героев.

Фразеологические средства, используемые говорящим в рассказах сатирика, имеют зачастую стилистически сниженное значение. Частотны в речи героя ничем не мотивированные искажение и подмена значений фразеологизмов.

Основными лексическими средствами создания речевого портрета «маленького человека» в произведениях М.М. Зоценко, по нашему мнению, являются окказионализмы, плеоназм, нарушение норм сти-

листики литературного языка, что в совокупности передает разговорный характер персонажа.

Глупость и однолинейность мышления, наивность, несдержанность, невоспитанность, отсутствие эстетического вкуса этого героя реализуются в его манере речи, употреблении слов со сниженным коннотативным значением, в реализации его скудного словарного запаса.

На наш взгляд, важно отметить отличие лексического уровня речевого портрета персонажа М. Зощенко от аналогичного в творчестве других писателей. Бесспорно, это отличие ярко проявляется в использовании автором окказиональных слов и значений, в нарушении логики речи, ее разговорном характере. Пошлость жизни, окружающего мира, пропитавшая душу человека, сквозит в каждом его слове.

ГЛАВА 4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

4.1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗОЩЕНКО

Разговорный характер речи «маленького человека» ярко проявляется на морфологическом уровне. Нарушения норм литературного русского языка встречаются в употреблении слов всех частей речи, однако наиболее характерно ненормированное употребление существительных, местоимений, глаголов и наречий.

Имя существительное — часть речи, богатая формами и грамматическими признаками, поэтому вполне логично предположить, что в речи необразованного человека, к тому же стремящегося показаться умным и культурным представителем нового общества, примеры нарушений, связанных с употреблением существительных, будут весьма многочисленны.

На первый взгляд, в речи героя-рассказчика есть много позитивных моментов. Так, «маленький человек» в рассказах писателя довольно изящно использует формы существительных мужского рода в родительном падеже с вариантным окончанием -у на месте основной для данного падежа флексии -а, ср.: «Приносят, конечно, мне лимонаду...» (Зощенко. Лимонад); «Но чаю хлебайте, сколько угодно...» (Зощенко. стакан); «Не то, скажем, скука, а рожу помыть или кофейку выпить некогда» (Зощенко. Чудесный отдых); «Совершенно, — говорит, — не к чему швыряться деньгами, я лучше нарзану в буфете выпью» (Зощенко. Смешная история). Отметим, что подобные формы («лимонаду», «чаю», «кофейку», «нарзану») вещественных имен существительных являются нормативными, никоим образом не нарушают нормы русского литературного языка: «...словоформы, выступающие в «партитивном» значении», относятся к вещественным, собирательным и абстрактным существительным, которые характеризуются наличием только одной формы числа (Пантелеев, Шейко, 2021, с. 63). Формы родительного падежа с флексией -у имеют значение «части от целого», т.е. выражают идею какого-либо количества того или иного вещества, чем и отличаются от форм родительного падежа с окончанием -а, реализующих значение собственно вещественное, ср.: свойства нарзана — выпить нарзану; плантации чая — стакан чаю и т.д.

Однако для речи героя характерно употребление формы с флексией -у и существительных невещественной семантики, не имеющих количественного значения. Такие формы не являются нормированными, например: «Не махай, не делай ветру перед пассажирами» (Зощенко. Не надо иметь родственников). В данном предложении невер-

ным в плане соответствия нормам грамматики является использование формы «ветру», так как это существительное не обладает вещественным значением. Замена основного окончания родительного падежа -а вариантной флексией -у не представляется обоснованным, скорее, это лишний штрих, подчеркивающий сниженный, разговорный характер речи героя сатирических рассказов Михаила Михайловича Зощенко.

Использование рассказчиком в произведениях М.М. Зощенко подобной флексии у существительных, не относящихся к разряду вещественных, является, как мы уже говорили, мелким штрихом, незначительным на фоне тех грубейших нарушений нормы грамматики, что встречаются в употреблении героем сатирических новелл писателя неизменяемых имен существительных. В своей речи «маленький человек» часто использует склоняемые варианты неизменяемых по нормам литературного языка заимствованных имен существительных, а также неверно определяет их род (в случаях согласования с прилагательными, выбора их окончания). В качестве ярчайшего примера подобных нарушений можно привести отнюдь не единичные примеры употребления неизменяемого слова «пальто», ср.: «Польта — говорят, — сьмайте» (Зощенко. Прелести культуры); «И в ведрышко — раз в нем краска — нельзя свои польты окунать» (Зощенко. Мещанский уклон); «Придете в пальте и в галошах преть» (Зощенко. Мелкий случай).

Данные примеры иллюстрируют то, как неизменяемое существительное «пальто» приобретает у говорящего недопустимые с точки зрения кодифицированного языка варианты. Употребление подобных форм в речи героя имеют массовый характер. Это, на наш взгляд, указывает на недостаток его культуры. Говорящий просто не различает изменяемые и неизменяемые существительные. Слово «пальто» обозначает предмет, хорошо знакомый «маленькому человеку», вследствие чего герой писателя позволяет себе изменять данное существительное по падежам, наделяя неизменяемое слово окончаниями, воспринимая его как исконно русское либо ассимилировавшее в языке. Автор рассказов преднамеренно сталкивает подобные искаженные словоформы в вопросно-ответных репликах диалога, в одном контексте, ср.:

«Надеваю эти штаны и иду за пальтом...»

— По веревке, говорит, не выдаю. Это, — говорит, — каждый гражданин настрижет веревок, — польт не напасешься...» (Зощенко. Баня). Подобное столкновение разных форм падежа и числа одного и того же слова в речи двух участников акта коммуникации ярче подчеркивает стремление автора продемонстрировать читателям то, что такие нарушения не являются чем-то экзотическим, необычным. Наоборот, формы «польта», «в пальте» и т.д. выступают как типичные элементы в речи «маленького человека» — героя рассказов писателя.

Заемствованные существительные, имена с абстрактной семантикой вызывают трудности в плане их употребления, герой Зоценко демонстрирует свою необразованность даже при использовании имен существительных, являющихся нейтральными, общеупотребительными, ср.: «Нету, — говорит, — не могу писать, знаю только фамилие подписывать» (Зоценко. Медик). В этом примере форма «фамилие» употреблена вместо формы «фамилию», т.е. формы винительного падежа существительного женского рода «фамилия», которое в винительном падеже имеет единственно возможную в кодифицированном языке флексию — [y].

При этом неверно употребляет данное существительное и второй участник диалога, представленного в рассказе Михаила Зоценко, ср.: «Нету, — отвечает Егорыч... — Одно фамилие не хватит. Фамилие, — говорит, — подписывать от грыжи хорошо, а от внутренней полная записка нужна» (Зоценко. Медик).

В своей реплике диалога говорящий (Егорыч) также неверно определяет род существительного (использует средний род вместо женского). Правильный вариант последнего сверхфразового единства: «Одной фамилии не хватит. Фамилию, — говорит, — подписывать от грыжи хорошо, а от внутренней полная записка нужна». Как известно, к словам среднего рода относятся многие существительные, обозначающие абстрактные понятия, неодушевленные заимствованные существительные. Говорящий, рассматривая слово «фамилия» в качестве абстрактного существительного, употребляет форму среднего рода, что свойственно людям малообразованным, некультурным. Для него средний род — это все неконкретное, неодушевленное или незнакомое.

Искажения родовой принадлежности заимствованных существительных также отражают низкий культурный уровень героя рассказов Зоценко. Говорящий в своем стремлении соответствовать званию нового человека новой страны демонстрирует незнание элементарных норм морфологии, ср.: «Я бы, — говорит Егорыч, — написал, да, — говорит, — очки на рояли забыл» (Зоценко. Медик). Важно обратить внимание на то, что заимствованное существительное «рояль» мужского рода в предложении должно иметь флексию -е. Следовательно, герой по причине своего незнания употребляет форму женского рода, демонстрируя свою неграмотность.

«Маленький человек» заимствованные слова с мягкой основой и нулевой флексией рассматривает как слова женского рода, ср.: «А я, если на то пошло, эту пудель не мучил, а размахивал посудой. ... Я, говорю, не трогал вашу пудель. ... Я ору благим матом и кручусь перед дверью, а ихняя пудель заливается изнутри» (Зоценко. Честный гражданин). Если анализировать данный пример в совокупности с другими нарушениями, связанными с родовой принадлежностью заимствованных слов с мягкой основой и нулевым окончанием, то мож-

но прийти к выводу: говорящий не стремится подчеркнуть пол животного, что являлось бы допустимым с точки зрения литературной нормы. Рассказчик просто соотносит слово «пудель» с существительными женского рода, как и слова типа «рояль».

В речи героев произведений Зошенко также можно встретить морфологическую особенность, свойственную диалектам. Как известно, в диалектах существует тенденция к вытеснению среднего рода женским родом (Русская диалектология, 1972). В рассказах писателя-сатирика такие примеры крайне редки и связаны они с изменением родовой принадлежности только тех существительных, которые обозначают конкретные предметы либо вещества, хорошо знакомые говорящему, ср.: «Купленные огурцы замени мне, милый друг, яблочной повидлой» (Зошенко. Жалоба).

Заемствованное из польского языка существительное «повидло» приобретает в речи рассказчика форму женского рода, поскольку для героя произведений Зошенко средний род — это все абстрактное, то, что нельзя сосчитать или измерить. Предмет «повидло» говорящему хорошо знаком, и поэтому «маленький человек», не зная нормы литературного языка, приписывает данному существительному грамматическое значение женского рода.

Грубое нарушение норм литературного языка характерно для речи героя не только при употреблении им заимствованных слов, но и при использовании общеупотребительных исконно русских существительных, например: «И зуб во рте блестит» (Зошенко. Аристократка). Рассказчик неверно использует варианты окончаний предложного падежа в словах мужского рода («во рту») — окончание -у свойственно существительным в форме предложного падежа, имеющего обстоятельственное значение места, в отличие от окончания -е, выступающего в словоформах с объектным значением).

Реже в речи рассказчика и других персонажей произведений писателя встречаются ошибки, связанные с употреблением падежных форм, нарушением норм управления, ср.: «Ты это что же — с родного дядю? Дядю грабишь?» (Зошенко. Не надо иметь родственников). Говорящий употребляет форму винительного падежа «дядю» вместо формы родительного падежа «дяди». Одной из причин появления такой ошибки является, во-первых, спонтанный характер ситуации общения. Однако к этому стоит прибавить и тот факт, что герой рассказа писателя слабо ориентируется в нормах грамматики русского языка. Говорящего явно вводит в заблуждение использование согласованного определения «родного», которое имеет омонимичные формы в родительном и винительном падежах, если употребляется в качестве зависимого компонента при одушевленном существительном, ср.: родного дяди (родительный падеж) — родного дядю (винительный падеж). Добавляет трудностей и предлог «с», способный употребляться как с формой родительного падежа, так и с формой винительного

падежа, ср.: «брать пример с дяди» (родительный падеж) — «ростом с родного дядю» (винительный падеж). Все вышесказанное объясняет то, почему герой Зошенко допускает ошибку в употреблении падежной формы существительного, но следует отметить, что для культурного, образованного, хорошо владеющего нормами грамматики родного языка человека употребление подобных форм не должно вызывать никаких трудностей даже в ситуации неподготовленного, спонтанного общения.

Замена «маленьким человеком» одной падежной формы существительного формой другого падежа подчеркивает разговорный, просторечный характер речи героя-рассказчика, ср.: «Тенор заявляется до дирекции и говорит своим тенором...» (Зошенко. Нервные люди). Употребление предложно-падежной словоформы родительного падежа «до дирекции» вместо предписываемого нормами грамматики предложного падежа «в дирекцию» — характерная черта речи необразованных, не владеющих нормами глагольного управления. Однако в подобных примерах мы сталкиваемся с нарушениями норм не морфологии, а в первую очередь синтаксиса, поэтому этой особенности речи героя Зошенко будет уделено внимание в следующем разделе нашей книги.

Гораздо важнее, говоря о морфологическом уровне речевого портрета героя Зошенко, уделить внимание многочисленным ошибкам, которые допускает «маленький человек» при образовании форм косвенных падежей во множественном числе. Так, в форме множественного числа имен существительных характерно появление материально выраженного окончания на месте допустимого в литературном языке нулевого, ср.: «Мало ли делов на свете у среднего человека!» (Зошенко. Чудный отдых). Горделивое отношение к «делу» — от времени, от эпохи, однако просторечная флексия «-ов» показывает истинный уровень культуры героя произведений писателя. Зошенко не единожды использует в своем творчестве данную форму — «делов», так как комизм заключается в явном несоответствии высокой семантики существительного, особого пафоса, которым наделены фразы героя сатиры писателя, и ненормативного просторечного окончания «-ов», ср.: «Тем более я ее любил совершенно неземной любовью, и мне только и делов сейчас, что найти ее, приложиться к е праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры» (Зошенко. Дама с цветами).

Нулевая флексия часто заменяется материально выраженной именно в форме родительного падежа множественного числа имен существительных, что является ярким примером нарушения норм морфологии русского языка, элементом просторечия. Подобные формы с внелитературным материально выраженным окончанием могут употребляться как одиночно, так и в ряду однородных членов пред-

ложения, ср.: «Пушай, говорит, клистир ставит и курей кушает... Отец мой, думает, не знал легкие средства, и я знать не желаю. А курей пусть кушает международная буржуазия» (Зошенко. Медик); «Курей и жареных утей у нас, говорит, не будет, а паштетов тоже не предвидится» (Зошенко. Стакан). Наличие в одном контексте сразу двух существительных с ненормированными флексиями («курей и утей») ярче показывает истинное лицо советского обывателя, «маленького человека».

Незнание норм литературного языка приводит к появлению в речи героев Зошенко абсурдных словосочетаний, ср.: «Вот, думаю, какая парнишечка попалась» (Зошенко. Счастливое детство). Несоответствие между морфологическим обликом слова и словообразовательной мотивированностью рода приводит к подобным колебаниям. Существительное «парнишечка» обладает формальной приметой женского рода — флексией -а, тогда как производящая основа «парень» мотивирует и у лексемы «парнишечка» значение мужского рода. Таким образом, вариантность в грамматическом роде нередко является следствием противоречия между формой и содержанием языковой единицы.

Речь «маленького человека» — героя рассказов Зошенко резко отличается от речи персонажей произведений Гоголя, Достоевского, Чехова в плане словообразования и словоизменения. В первую очередь обращает на себя внимание обилие существительных с суффиксами субъективной оценки, уменьшительно-ласкательными суффиксами, типа «бабешка», «парнишечка», «землишка», «дровишки», «барахлишко», «чаишко» и т.д. Нужно подчеркнуть, что появление в речи героев Зошенко подобных производных существительных никак не мотивировано коммуникативной задачей говорящего, не диктуется ситуацией.

Местоимения в речи персонажа Зошенко приобретают нехарактерный для литературного языка вид. В качестве одной из особых примет речевого портрета «маленького человека» выступает употребление форм косвенных падежей единственного и множественного числа местоимения «он» («она», «оно», «они») без начального [н], например: «Нету, отвечает, хотя надкус на ем сделан» (Зошенко. Аристократка); «А закорючка на ем имеется?» (Зошенко. Закорючка); «Вы в его камней напихали, что ли?» (Зошенко. Выгодная комбинация).

Не менее частотным является нарушение норм языка в употреблении притяжательных местоимений типа «их» с добавлением суффикса -н- и окончания, в которое входят два звука, например: «Я ейный родственник, шепчитесь себе на здоровье» (Зошенко. Романтическая история); «Деньги лежат у плите, а ихняя пудель...» (Зошенко. Честный гражданин); «На другой день, знаете, ихний дворник Семен...» (Зошенко. Стакан); «Это пассажиры шумят, не сперли бы, думают, ихние вещи в переполохе» (Зошенко. Пассажир).

Приведенные примеры указывают на крайне низкий уровень языковой культуры говорящего. Местоимения активно используются говорящим в произведениях писателя, однако зачастую столь интенсивное употребление объясняется скудностью словарного запаса персонажа либо тем, что герой не знает самого предмета разговора. Местоимение в этом случае заменяет все непонятное, недоступное сознанию «маленького человека», ср.: «Экономьте чего-нибудь там такое» (Зоценко. Режим экономии). Герой рассказа, заведующий неким учреждением, не желая отставать от времени, дает своим сотрудникам данную директиву. Использование персонажем неопределенного и указательного местоимений вместе с местоименным наречием объясняется далее самим рассказчиком: «А как и чего экономить — неизвестно. Толком ему не объяснили, а сам он сразу не сообразил», — дает пояснение рассказчик. Таким образом, местоимение выполняет не заместительную или указательную функцию, что характерно для литературного языка. Оно выступает в качестве спасительного средства, помогающего говорящему построить высказывание, не имея никакого представления о предмете мысли и соответственно речи — экономии.

В формах изменения глаголов в разговорной речи персонажа наблюдается образование инфинитива и формы повелительного наклонения, характерных для просторечия, например: «Только, — говорит, — в крематорий меня везть не надо» (Зоценко. Мелкота); «Артист, — говорю, — сильно под мухой и не может к рампе выйтить» (Зоценко. Актер); «Не придется, — говорит, — во втором акте его выпущать» (Зоценко. Актер).

В данных примерах говорящему следовало использовать на месте форм «везть», «выйтить», «выпущать» глаголы «везти», «выйти», «выпускать». Отмеченные же в речи героя Зоценко формы являются явным нарушением норм грамматики, их использование характерно для грубого просторечия, свойственно диалектам, для которых типично употребление, к примеру, суффикса -ть- вместо -ти-.

Личные формы глаголов в текстах Зоценко зачастую трансформируются, в них неверно употребляется окончание, что связано с отсутствием у героя рассказов знаний о спряжении глагола и правилах употребления личных окончаний. Отсутствие знаний, умений и навыков приводит «маленького человека» к использованию в его речи подобных форм: «Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами» (Зоценко. Аристократка). В приведенном выше примере форма «ездют» подчеркивает неграмотность героини. В инфинитиве этот глагол оканчивается на -ить-, следовательно, он является глаголом второго спряжения и в 3 лице множественного числа имеет флексию -ат (-ят). Таким образом, «ездят» в этом случае — единственно правильный вариант, но, как видим, совершенно незнакомый говорящему.

Разноспрягаемые глаголы тоже провоцируют ошибки в их употреблении героем рассказов писателя, ср.: «Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хочут» (Зоценко. Кинодрама). Использованный говорящим разноспрягаемый глагол приобрел неверную с точки зрения нормы флексию («хочут» вместо «хотят») в форме 3 лица множественного числа. Для человека, имеющего образование, владеющего нормами русского языка, употребление форм разноспрягаемых глаголов не вызывает трудностей. Однако в речи необразованной части населения такие ошибки частотны, их можно отметить и сейчас, в начале XXI века. В текстах рассказов Михаила Михайловича Зоценко «хочут» и им подобные формы показывают истинный уровень культуры и образованности представителей нового советского общества

Массовый характер имеет употребление в речи героев произведений Зоценко бесприставочного глагола «ложить» в различных его формах. При этом важно отметить, что Зоценко намеренно сталкивает в одном контексте разные формы этого ненормативного глагола, подчеркивая: для его героя подобные словоупотребления типичны, ср.: «У меня, — говорит, — привычки такой нету — швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите» (Зоценко. Стакан). Стоит отметить, что употребление глагола «ложить» нарушало нормы русского языка в эпоху становления Советской власти. Образованная часть общества в те годы не использовала данный глагол. Неслучайно он очень часто появляется в диалогах героев сатирических рассказов, в перволичном нарративе, ср.: «Ложи, — говорю, — взад! ... — Ложи, — говорю, — к чертовой матери!» (Зоценко. Аристократка). Однако в речи повествователя, в нарративе третьего лица этот глагол отсутствует.

Глаголы, обозначающие мгновенно-произвольное действие, передают в речи специфику протекания действий, динамику событий. На наш взгляд, в речи «маленького человека» можно выделить обширный пласт глаголов на -нуть, среди них значительное число глаголов — слова, образованные от междометий. Эта характерная черта разговорной речи наглядно проявляется в текстах произведений писателя-сатирика, например: «Об эту сахарницу я прибор и кокнул...» (Зоценко. Стакан); «Это, — говорит, — один — стакан тюкнет...» (Зоценко. Стакан); «Он сидел на передке ... и непрестанно цокал...» (Зоценко. Именинница); «И как шваркнет меня в бок...» (Зоценко. Пассажир); «Только языком чуть щелкнул...» (Зоценко. Мелкий случай); «Екнуло у Василия Ивановича сердце» (Зоценко. Мелкий случай); «...Придя в номер, разделся и юркнул в кровать» (Зоценко. Спи скорей).

Такие глаголы, как «кокнуть», «тюкнуть», «цокать», «шваркнуть», «екнуть» и др., ярко, эмоционально рисуют картины происходящего, помогают говорящему передать свои впечатления, при этом выдерживая разговорный стиль повествования.

Следует отметить, что наиболее частотными в рассказах Зоценко являются глаголы 1 и 3 лица. Это объясняется характером повествования, которое ведется, как правило, от 1 лица. В сфере глагола наблюдаются многочисленные ошибки, связанные с образованием глагольных форм, в частности формы повелительного наклонения, типа «ехай». Герой произведений Зоценко использует грубопросторечные формы, типа «махай», «ложи», ср.: «Ложи взад» (Зоценко. Аристократка); «Не махай руками...» (Зоценко. Не надо иметь родственников).

Персонажи рассказов писателя, стремясь говорить грамотно, культурно, демонстрируют низкий уровень культуры, искажая морфемный состав общеупотребительных слов. Это характерно, например, для употребления наречий в языке произведений Зоценко. Герои писателя допускают в своей речи такие словоформы, как «взад», «завсегда», «отсюдава» и т.д., ср.: «Это? Да это президиум вошедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня» (Зоценко. Обезьяний язык); «Товарищ Барбарисов был настоящий герой. Бился на всех фронтах. И завсегда при мирном строительстве всех срамил за мелкие мешанские интересы и за невзнос квартирной платы» (Зоценко. Мелкота).

Помимо названных особенностей речи героя на морфологическом уровне речевого портрета «маленького человека» выделяется употребление слов, функционально сближающихся с глаголами (их можно рассматривать как неизменяемые глаголы). В связи со спецификой их функционирования назовем их предикативами, выделив среди них две группы: 1) междометно-глагольные слова; 2) предикативы оценки.

Междометно-глагольные слова, обозначая ультрамгновенное действие, делают речь персонажа более живой, меткой: «Мало ли — живет живет человек и вдруг хлоп...» (Зоценко. Четыре дня); «А после, — говорит, — я тихонько выбегу из-за дверей и как бах ее полотенцем» (Зоценко. Медицинский случай).

Предикативы оценки передают затруднения говорящего в подборе нужных слов для выражения мысли, отображают спонтанность речи человека, не владеющего коммуникативными навыками, ср.: «Так вот, этого ..., — сказал Косоносов» (Зоценко. Агитатор); «Это, говорят, ничего, бывает» (Зоценко. Свадьба); «Как же это так можно?» (Зоценко. Няня); «Так это что же — с родного дядю?» (Зоценко. Не нужно иметь родственников); «Ну и ну! Ну и канapé!» (Зоценко. Бедность); «Да ничего, — ответил сосед...» (Зоценко. Прелести культуры); «Ну это что ж они тово» (Зоценко. Диктофон).

Отметим, что предикатив «того», часто употребляемый «маленьким человеком», имеет значение «ненормальный», «сумасшедший», реже — «пьяный», «исчезнувший», «испортившийся». «Ничего» обозначает «неплохой», «пригодный». Из наших наблюдений следует, что многие из использованных героем предикативов (особенно место-

именного происхождения) имеют обобщенные значения, уточняемые читателем в соответствии с контекстом, с конституацией. Отметим, что говорящий в текстах новелл, употребляя предикативы, считает, что делает свою речь экспрессивной, эмоциональной, выразительной.

Значительное место в речи персонажей занимают деепричастия в сказуемой функции, причем употребленные в форме, грубо нарушающей литературные нормы языка, ср.: «Одно заглавие, что квартирка — в каждом углу притулившись фигура» (Зоценко. Матреница). В данном примере глагол «сидит» опущен, а деепричастие «притулившись» выполняет двойную функцию, обозначает действие и способ его протекания.

Примеры замены личных форм глагола или причастий деепричастиями, выполняющими функцию сказуемого, в речи неграмотного героя-рассказчика очень частотны, ср.: «Так я вспотевши же, — говорил Вася» (Зоценко. Любовь). Отметим, что в этом предложении деепричастие «вспотевши» выполняет сказуемую функцию и заменяет глагол «вспотел» либо его атрибутивную форму — причастие «вспотевший». Незнание норм русского литературного языка в подобных примерах осложняется стремлением «маленького человека» произвести впечатление на окружающих, попыткой выглядеть умным, образованным, умеющим говорить грамотно. Это приводит к появлению подобных конструкций, ср.: «А когда я к Варьке подошедши» (Зоценко. Честный гражданин). Деепричастие «подошедши» заменяет глагол «подошел». Случаи вытеснения деепричастием других глагольных форм, использования деепричастия в роли сказуемого типичны для речи героя Зоценко, ср.: «А насчет Маруськи — была раз на квартиру пришедши» (Зоценко. Папаша). В приведенном выше примере ненормированное «была пришедши» вытесняет из предложения форму «пришла». Неграмотный, но старающийся выглядеть образованным и культурным герой писателя пытается создать гибридную форму составного сказуемого, используя глагол-связку «была» и деепричастие «пришедши», что запрещено нормами грамматики русского языка. В попытке уйти от нейтральной формы «пришла» к книжному, как считает герой Зоценко, «была пришедшая» персонаж рассказа в своей письменной речи создает то, что противоречит нормам русского языка.

Подобное использование деепричастий характерно и для устной речи героя рассказов писателя, ср.: «Что, — говорит, — косишься? К манишечкам привыкши?» (Зоценко. Рабочий костюм). В данном предложении деепричастие «привыкши» выполняет функцию предиката, замещая в этой позиции глагольную форму «привык».

Примеров данного типа в текстах сатирических рассказов писателя настолько много, что это позволяет сделать вывод: неверное употребление деепричастий, выступающих в функции сказуемого, является одной из наиболее важных, специфических черт речевого портрета

«маленького человека», ср.: «Он выпивши был» (Зошенко. Тормоз Вестингауза); «А народу многонько скопившись» (Зошенко. Кинодрама); «А в дверях образовавшись пробка» (Зошенко. Кинодрама); «Он был ухватившись за нее двумя руками и головой и долго не отцеплялся» (Зошенко. Мещанский уклон). Все эти и другие многочисленные примеры демонстрируют неграмотность персонажа — героя рассказов, его полное неумение употреблять деепричастия, но при этом желание «маленького человека» изъясняться умно, с претензией на образованность, умение пользоваться книжными стилями языка.

Характерной особенностью речевого портрета героя рассказов Зошенко является употребление подобных деепричастий в письменной речи, которой говорящий не владеет в должной мере. Использование деепричастий в функции сказуемого также связано с определенными ситуациями, требующими от говорящего умения изъясняться грамотно. Изобилуют данного типа ошибками письма, объяснительные записки, строки милицейских протоколов.

Причастия употребляются в текстах писателя значительно реже, чем другие глагольные формы, поскольку причастие является яркой принадлежностью книжной речи. Крайне незначительное количество причастных форм в речи «маленького человека» весьма логично объяснить именно этим: герой не владеет книжными стилями языка, он не может грамотно использовать то, что ему не вполне знакомо. Поэтому на месте причастий так часто появляются нарушающие нормы грамматики деепричастия, являющиеся принадлежностью разговорного стиля.

Имя прилагательное, как известно, в художественных текстах занимает важное место при создании экспрессии, является средством выразительности, выражения интенсивности, ярким средством образности (Пантелеев, Долматова, 2019). Важно отметить, что в этом художественном принципе речь говорящего в произведениях Зошенко традиционна. Речь героев произведений сатирика насыщен причагательными различных по значению разрядов, ср.: «Видя, что дело принимает серьезный оборот...» (Зошенко. Не надо иметь родственников) — серьезный — качественное прилагательное; «Разве что братишка на рождественские каникулы» (Зошенко. Кризис) — рождественские — относительное прилагательное; «Взглянул я на хозяйкино барахлишко» (Зошенко. Бедность) — хозяйкино — притяжательное прилагательное.

На наш взгляд, в текстах писателя наиболее частотное использование качественных прилагательных, а также притяжательных прилагательных в значении качественных: можно отметить такие яркие примеры, как «сукин сын», «чертовы девицы» и другие вульгаризмы. В целом же стоит отметить, что в употреблении имен прилагательных, их степеней сравнения, кратких форм в речи «маленького человека»

на морфологическом уровне практически не наблюдается отклонений от норм литературного языка.

Особо следует отметить, что имена числительные в рассказах Зощенко не являются примечательной чертой речевого портрета героя-рассказчика. Частотность употребления числительных в речи героя относительно небольшая. Их склонение не нарушается говорящим в 80% употреблений.

Частицы — самый высокочастотный класс из всех незнаменательных слов разговорной речи героев писателя. По данным Н.А. Прокуровской, наибольший контраст в употреблении частиц наблюдается между разговорной речью и научным стилем литературного языка: 12,6% и 1,6%. Большая разница наблюдается также между живой разговорной речью и речью художественной, в авторской художественной речи частицы составляют 3,7%, в языке персонажей — 10,6% (Прокуровская, 1974, с. 41). Функции частиц в разговорной речи разнообразны. По мнению Ш. Балли, «в большинстве случаев грамматические частицы разговорного языка коренным образом отличаются от служебных слов традиционного синтаксиса в том смысле, что они выражают отношения между идеями скорее эмоционально, чем логически» (Балли, 1961, с. 78).

Отметим типичные для речи героя Зощенко функции частиц. Частицы служат для передачи определенной смысловой и стилистической информации, используются в контактоустанавливающей функции, в функции показателя границ текста (частицы, начинающие речь, вводящие новую тему, завершающие речь, тему), служат заполнителями ритмических пауз, используются как показатели актуального членения, как слова-заместители при паузах колебания и обдумывания.

Наиболее распространенные частицы современной разговорной речи — «ну», «вот», «а», «и», «да», «так», «же», «еще», «вроде», «только», «прямо (прям)», «просто», «уже», «ведь», «разве», «ни», «неужели», «ли», «даже». В речи персонажей Зощенко частотны такие частицы, как «прямо», «же», «ну», «вообще», «не», «да», ср.: «Ну, привязал я к ногам по номерку» (Зощенко. Баня); «Да ну? — спросил сосед. — Неужели подобрался?» (Зощенко. Обезьяний язык); «Да что ж это? — думаю» (Зощенко. Муж); «Не бойся, драться с тобой не буду» (Зощенко. Муж); «Ну, хорошо, — сказала» (Зощенко. Дамское горе); «Не пропадать же товару» (Зощенко. Бочка).

При использовании героем в своей речи частиц нередко встречаются варианты с редукцией конечного гласного «чтоб (ы), ж (е), ль(и), хоть(я)», например: «Целый месяц пудрюсь, и хоть бы одна блоха...» (Зощенко. Качество продукции); «В козла, что ль? — спрашиваю» (Зощенко. Чудный отдых); «Так что ж — говорю» (Зощенко. Пасхальный случай). Подобная фонетическая трансформация частиц свойственна речи героя Зощенко, но можно отметить, что эту особенность следует рассматривать как типичную черту разговорного стиля

языка в целом, а не специфику речевого портрета именно героя сатирических рассказов писателя.

Говоря о служебных словах, следует отметить, что предлоги в речи героя сатирических новелл Михаила Зощенко, как и в разговорной речи в целом, малоупотребительны. Причина этому — нечастое употребление слов, которые должен сопровождать предлог, то есть существительных в косвенных падежах. В разговорной речи преобладает именительный падеж и связи типа примыкания, а косвенные падежи используются редко как многокомпонентные распространители глагола или имени.

По данным Т.А. Вишняковой, в разговорной речи наиболее часто употребляются следующие предлоги: с родительным падежом — «из, с, до, для, от, у, после, насчет», с дательным — «по, к»; с винительным — «в, на, за», с творительным — «с» (со значением совместности, объекта, обстоятельства образа действия), «за» (со значением обстоятельства места), предложным падежом — «в, на» (Вишнякова, 1967, с. 116). Эта норма языка реализуется и в речи «маленького человека». Но следует обратить внимание на то, что герой часто использует предлог «об» перед словом, начинающимся согласным звуком. Данное языковое явление противоречит норме литературной речи и подчеркивает неграмотность говорящего, например: «А чего такое? — спрашивают в очереди. — Об чем речь?» (Зощенко. Дамское горе); «А пока, — говорит, — об чем речь? (Зощенко. Мелкота); «Коман? ... Об чем речь?» (Зощенко. Иностранцы). Просторечное «об чем речь» — явный признак отсутствия у героя навыков культурной речи, знания ее норм.

Поняв, прочувствовав психологию своего героя, Зощенко сумел передать мысли «маленького человека» словами самого персонажа-рассказчика. Это требовало от Зощенко смелого введения в свои рассказы «внелитературных» форм языка. Писатель намеренно несколько раз использует в одном фрагменте текста производный предлог, в котором нарушаются нормы литературного языка, ср.: «Перейдем поэтому к текущему моменту дня, к выбору председателя заместо Костылева Ивана... И заместо указанного Ивана Костылева, — продолжал городской оратор, — предлагается избрать человека, потому как паразитов нам не надо. — И заместо паразита, — пояснил Бобров, — и этого, язви его душу, самогонщика, хоша он мне и родственник со стороны жены, предлагается изменить и наметить» (Зощенко. Столичная штучка). Предлог «заместо», к примеру, можно считать одним из излюбленных морфологических «перлов» героя Зощенко. «Маленький человек» неоднократно использует этот предлог, нарушая нормы грамматики, в своей речи, ср.: «Может, говорит, ты заместо его сыграешь?» (Зощенко. Актер). Нормативный предлог «вместо» вытесняется из речи героя сатиры Михаила Зощенко просторечным элементом, имеющим разговорно-сниженную стилистическую окраску.

Следует обратить внимание на то, что союзы также не относятся к числу широко распространенных слов в речи героя (как и в разговорной речи в целом). Это объясняется тем, что в разговорной речи персонажей регулярно употребляются бессоюзные конструкции, связи свободного соединения, связи типа примыкания. Набор союзов в текстах Зощенко не отличается разнообразием: «и, а, но, да, что, потому что, когда, если». Их использование характеризует синтаксические отношения, которые будут рассмотрены в следующем разделе нашей книги.

На наш взгляд, важным является указание на отличие морфологического уровня языка «маленького человека» Зощенко от речи подобных персонажей в произведениях других авторов. Черты различия обнаруживаются в преобладании в языке героев произведений писателя-сатирика словоформ, противоречащих нормам литературного языка. Своеобразно регулярное употребление им глагольных форм (особенно деепричастий в сказуемой функции).

Речь героя указывает на неразвитость его мышления и речевых способностей. Типичный для своего времени малокультурный человек, по нашему мнению, в текстах писателя пытается выразить свои мысли эмоционально, понятно для аудитории, подобной ему. Отметим, что это ему не удается сделать эстетично и грамотно.

4.2. ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

Синтаксический уровень речевого портрета героя сатирических рассказов Михаила Зощенко также представляет собой немалый интерес для исследователя. Говоря о синтаксических средствах создания речевого портрета «маленького человека» в рассказах М.М. Зощенко, следует отметить ряд наиболее специфических особенностей, отличающих речь героя произведений писателя.

Синтаксис речи персонажей М. Зощенко характеризует стремление автора максимально приблизить ее к живой разговорной речи людей того времени. Так, можно заметить, что преимущественно употребляются простые предложения, поскольку рассказчик стремится к опрощению речи, старается быть максимально понятным для своего собеседника, читателя. В связи этим автор рассказов часто использует прием парцелляции, состоящей в расчленении исходной целостной структуры (высказывания) на два интонационно обособленных отрезка — базовую структуру и парцеллят (Хазагеров, Ширина, 1999, с. 251), ср.: «А мы, для примера, у ворот стояли. Разговаривали» (Зощенко. Слабая тара).

Подобное расчленение целостной структуры выполняет важную функцию, поскольку иллюстрирует внезапное нарушение хода мыслей. Как известно, чаще всего в роли парцеллят выступают одно-

родные члены или придаточные предложения, которые наделяются большей самостоятельностью, чем в исходной структуре. Тем самым усиливается выразительность и создается дополнительный смысл. Однако у Зошенко парцелляция не приводит к усилению выразительности, не вносит дополнительный смысл, так как этого не стремится достичь герой писателя. При помощи парцеллятов «маленький человек» просто пытается выразить определенную мысль, для которой грамотному, обладающему хорошим языковым чутьем человеку требуется семантически и структурно более сложная конструкция, ср.: «Вдруг назад кличут. Велят раздеваться» (Зошенко. Прелести культуры). Очевидно, что постпозитивный парцеллят не несет дополнительной смысловой нагрузки и необходим герою-рассказчику только как средство выражения определенной мысли. В данном случае парцелляция дает обратный эффект: она обедняет речь, делает ее примитивной, но примитивность речи отражает убогость мышления «маленького человека».

Ярким примером парцелляции в речи героя Зошенко может служить следующая конструкция, ср.: «Заскочил домой. Надел чистую рубаху. Шею бензином вытер. Ручки под краном сполоснул. Ушкиверху растопырил. И покатылся» (Зошенко. Операция). Все предложения можно было бы объединить в одно простое предложение с однородными сказуемыми. Однако герой, используя парцелляты, вовсе не задумывается над проблемой выразительности собственной речи, придания фрагменту текста дополнительных оттенков смысла. Он просто говорит так, как ему хочется, как ему удобно, и этот синтаксический строй речи соответствует особенностям мышления героя-рассказчика.

«Маленький человек» в текстах рассказов писателя изъясняется так же, как думает, для него является непосильной задачей выстроить семантически и структурно усложненную конструкцию, гораздо проще сделать паузу, образовать парцеллят, что свидетельствует об отсутствии не только языкового чутья, высокого уровня образованности, но и способности логично размышлять, быстро устанавливать причинно-следственную связь между событиями. Именно поэтому в языке героев Зошенко чаще являются парцеллятами однородные члены простого предложения, а не придаточные в сложноподчиненном предложении. Даже менее сложный уровень синтаксических конструкций вызывает трудности у «маленького человека», не умеющего мыслить связно.

Стоит отметить, что в тех случаях, когда в рассказах М.М. Зошенко появляется образ самого автора, парцелляция в речи героя отсутствует. Она не характерна и для таких произведений писателя, как, например, «Повесть о разуме», где нет образа «маленького человека». Таким образом, прием парцелляции можно посчитать одним из ярких

синтаксических средств создания речевого портрета героя рассказов писателя, а не особенностью идиостилия Зощенко в целом.

Анализируя синтаксис «маленького человека» — героя рассказов писателя, следует обратить внимание на обилие вводных слов и сочетаний, которыми просто «пестрит» речь зощенковских персонажей, ср.: «Он, может, действительно, как собака грязный едет» (Зощенко. Рабочий костюм). Данный пример показывает, что вводные слова часто просто нанизываются одно на другое и составляют значительную часть предложения. При этом видно, как бессистемно говорящий пользуется средствами языка. В вышеуказанном предложении второй вводный компонент противоположен первому. Вводное слово «может» обозначает неуверенность, имеет предположительное значение, тогда как «действительно» относится к группе вводных слов со значением утвердительным (Современный русский язык, 1981, с. 239).

Вводные слова часто повторяются в речи рассказчика — героя произведений писателя. Среди наиболее употребительных конструкций можно отметить «значит», «может быть», «скажем». Избыточность вводных конструкций является типичной чертой языка «маленького человека», делающей речь персонажа крайне бедной, невыразительной, ср.: «Сижу, скажем, за пивом, а в груди сосет. Может, сию минуту у меня дрова сперли. Или, может, в квартиру лезут. Жена, конечно, может быть, плачет» (Зощенко. Богатая жизнь). В четырех контактно расположенных предложениях употреблены пять вводных конструкций, из которых три являются повторяющимися: «может» — «может» — «может быть». При этом в последнем предложении вводные слова взаимоисключают друг друга. Компонент «конечно» имеет утвердительное значение, а следующий за ним «может быть» выражает предположение.

Все эти факты позволяют сделать вывод о том, что вводные слова в речи героев Зощенко не несут определенной смысловой нагрузки, а выступают, скорее всего, в роли связующих компонентов между частями высказывания, выполняют текстообразующую функцию. Без их использования «маленький человек» просто не может выразить свою мысль, построить предложение. Вводные конструкции нужны герою для связи частей текста, данные слова и сочетания часто повторяются в начале контактно расположенных абзацев. Все это свидетельствует о крайне низком уровне речевой культуры, бедности словарного запаса «маленького человека».

Особое место в речи героев рассказов Зощенко занимают многочисленные нарушения синтаксических норм русского языка. На наиболее распространенных нарушениях необходимо остановить более пристальное внимание, поскольку они являются важными, как нам представляется, средствами создания речевого портрета «маленького человека» в рассказах писателя.

Целый ряд нарушений синтаксических норм связан с неверным использованием деепричастий. Так, в речи героев различных рассказов встречаются конструкции, типа: «Был я, конечно, выпивши». Данная черта речевого портрета «маленького человека» уже отмечалась нами в предыдущем разделе книги как употребление деепричастий в функции части составного именного сказуемого вместо нормированного использования причастий и прилагательных.

Однако нужно отметить, что герой писателя вообще очень вольно распоряжается деепричастиями, демонстрируя свою языковую некомпетентность. Деепричастие и деепричастный оборот в позиции обособленных обстоятельств в речи персонажей рассказов очень часто соотносятся по смыслу не с подлежащим, а с другими членами предложения, ср.: «Вернувшись назад, шубы уже не было» (Зоценко. Три документа). Данного типа ошибки широко распространены, к сожалению, и в речи неграмотных представителей современного общества, однако нужно сказать, что в рассказе выступает в качестве героя не малограмотный крестьянин, а «совслужащий», человек, претендующий на то, чтобы считаться умным и образованным, интеллигентным, новым членом нового общества.

Подобные нарушения свидетельствуют о низком уровне речевой культуры героя, стремящегося говорить книжным языком, употреблять осложненные конструкции, но не имеющего представления о нормах синтаксиса русского языка. Сам писатель говорил: «Если я искажаю язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе. Конечно, я мог бы писать более, что ли, мягко, не прибегая иной раз к резким оборотам и выражениям. Но тут у меня была двойная задача. С одной стороны, мне надо было достичь моего читателя, а с другой стороны, я подошел к языку сатирически, т.е. посмеялся над искаженным языком, на котором многие говорят» (Зоценко, 1941).

В речи «маленького человека» деепричастные обороты могут выступать в функции придаточного предложения. Примеров подобного типа достаточно для того, чтобы говорить о типичности таких конструкций, ср.: «Узнав из газеты, что вы выпускаете специальный дамский номер, то прошу присоединить и мой скромный голос» (Зоценко. Забытый лозунг). В данном предложении деепричастный оборот выполняет функцию придаточного предложения со значением причины, ср.: Поскольку (так как) узнал из газеты, что вы выпускаете специальный дамский номер, то прошу присоединить и мой скромный голос.

Появление такой конструкции, нарушающей синтаксические нормы русского языка, связано с желанием говорящего выглядеть образованным, грамотным человеком. При этом стоит отметить: герой Зоценко искренне уверен в том, что оно так и есть, однако речь «маленького человека», несмотря на все его притязания, доказывает обратное. Осложненные, сложные предложения для персонажей расска-

зов писателя оказываются слишком трудными, и это приводит к многочисленным нарушениям норм синтаксиса.

Отмечая многочисленные и разнообразные нарушения норм синтаксиса в речи героя-рассказчика, нужно отметить обилие ошибок в построении сложноподчиненных предложений. Как правило, герой зощенковских рассказов нарушает нормы образования сложноподчиненных предложений с определительными придаточными, ср.: «И которая дама сунула туда руку сама, дьявол ее задави, виновата» (Зощенко. Рабочий костюм).

Данное предложение представляет собой некий гибрид простого, сложноподчиненного и бессоюзного сложного предложений, в отличие от конструкций, ср.: «Которые без денег — с дамами не ездют» (Зощенко. Аристократка); «Которые хотят почтить память своего друга и товарища, тех вдова просит зайти к ней на квартиру, где будет подан чай» (Зощенко. Поминки).

Общей чертой всех вышеприведенных предложений является позиция придаточного определительного, что является грубым нарушением норм синтаксиса, но довольно часто встречается в речи людей, не обладающих высоким уровнем речевой культуры, знания языка. Причиной же использования подобных конструкций героем Зощенко является, как нам кажется, следующее. «Маленький человек» владеет весьма ограниченным набором синтаксических конструкций и использует, как правило, только простые предложения. Стремясь же выглядеть «новым человеком», он употребляет неверно построенные сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, поскольку не чувствует их отличия от местоименно-соотносительных придаточных предложений, ср.: «Те, кто (которые) без денег, с дамами не ездют»; «Тех, кто хочет почтить память своего друга и товарища, вдова просит зайти к ней на квартиру, ...»; «Кто хочет почтить память своего друга и товарища, тех вдова просит зайти к ней на квартиру...» и так далее.

Сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительным придаточным крайне редко используются в речи «маленького человека», при этом союзное слово «кто», как правило, вытесняется союзным словом «который», наиболее часто употребляемым именно в определительных придаточных, ср.: «Нет, нынче которые женятся, наперед знают, что много с невесты не возьмут» (Зощенко. Женильба — не напасть, как бы после не пропасть). Эллипсис указательного местоимения «те» очевиден, ср.: «Нет, нынче те, которые (кто) женятся, наперед знают, что многого с невесты не возьмут».

Стоит вновь подчеркнуть, что подобные примеры не являются средствами усиления выразительности и образительности, характеристики быстроты изменения ситуации. В речевом портрете «маленького человека» — героя рассказов Зощенко они подчеркивают неуме-

ние персонажа правильно строить предложения, убогость мышления персонажа и, как следствие, косноязычие.

Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными характерны, для языка рассказов Зоценко и являются наиболее распространенными из всех разновидностей сложноподчиненных предложений в речи героев произведений писателя, а также в речи мнимого рассказчика. Так, в рассказе «Аристократка» употреблено всего четыре сложноподчиненных предложения, из которых два — с определительным придаточным, в рассказе «Протокол» из трех сложноподчиненных предложений два имеют определительные придаточные. При этом в тех случаях, когда в рассказе появляется образ автора, определительные придаточные уступают свои позиции и употребляются не чаще изъяснительных и обстоятельственных придаточных предложений.

В речи «маленького человека» доминируют, помимо простых предложений, конструкции типа, ср.: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках» (Зоценко. Аристократка); «Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами» (Зоценко. Происшествие). Подобные предложения свидетельствуют о попытке героя изъясняться при помощи сложных конструкций, а с другой — о полном неумении грамотно выразить свою мысль. Поэтому данные предложения как часть речевого портрета «маленького человека» делают его жалким и смешным, глупым, но исполненным важности.

Именно по этой причине, то есть чувствуя собственную значительность, важность своей персоны, безграмотный и косноязычный герой рассказов Зоценко употребляет конструкции, наподобие следующей, ср.: «А это мы которых аристократов в грузовик сажаем и арестовываем» (Зоценко. Жертва революции). В данном простом предложении неуместно употреблено местоимение «которых», не выполняющее ни функцию вопросительного, ни функцию относительного местоимения. Причина в том, что «маленький человек», привыкший мыслить и говорить примитивно, пытается изъясняться в несвойственной ему манере, усложнить свою речь. При этом он уверен в том, что его речь действительно является нормальной, свидетельствует о высоком социальном статусе героя, и именно эта твердая уверенность усиливает комический эффект.

Можно отметить, что подобные конструкции часто употребляются в речи тех персонажей, которые «у власти», как говорит один из них: управдомов, водопроводчиков, фельдшеров, ср.: «Зарботки, говорит, не велики, но которые интеллигентные больные норовят непременно в руку сунуть» (Зоценко. Плохой обычай).

На примере речи героя рассказа «Светлый гений» хорошо видно, что использование простых предложений с неуместно употребленным словом «который» тесно связано со стремлением «маленького челове-

ка» говорить умно и красиво, показать свою образованность и значимость. Лектор Фиолетов в разговоре с женой пользуется примитивными конструкциями разговорного характера. Из двадцати пяти предложений два являются сложносочиненными, два — сложноподчиненными с изъяснительным придаточным, а остальные высказывания товарища Фиолетова — простые предложения без каких-либо осложняющих конструкции компонентов, ср.: «Да электричество зря не жгите! Мне же платить придется. Можете и в темноте зашить. Не узоры писать».

Но во время выступления перед аудиторией, когда Фиолетов «ораторствует», говорит «с необыкновенным подъемом», речь его существенно меняется, ср.: «Гражданки! Вы, которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня эта и тому подобное...» (Зощенко. Светлый герой). В данных предложениях сразу видны претензии на образованность, попытка уйти от разговорного стиля речи, что делает героя одновременно смешным и напыщенным.

Теми же причинами обусловлено появление в речи героя Зощенко сложных предложений с разными видами связи, ср.: «Тем более я ее любил совершенно неземной любовью, и мне только и делов сейчас, что найти ее, приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры» (Зощенко. Дама с цветами).

«Маленький человек» часто использует в своей речи конструкции с повторяющимися союзами, причем делает это не в целях усиления выразительности и изобразительности, а по причине того, что не владеет всем богатством синтаксической синонимии.

Нарушения синтаксических норм часто встречаются в письмах героев рассказов писателя-сатирика, поскольку стремление «маленького человека» выглядеть культурным и образованным ярко демонстрирует отсутствие навыков письменной речи, незнание элементарных закономерностей русского синтаксиса, ср.: «В настоящее время, оставшись совершенно раздетый вместе со своей престарелой матерью и надеясь исключительно на милость и милосердие божие, я, дорогая мамаша, прошу прислать мне кое- что из теплого белья и нет ли еще шерстяных носков» (Зощенко. Три документа). Очевидно, что безличное предложение — «Нет ли еще шерстяных носков» — в письменной речи героя является частью простого предложения, о чем свидетельствует союз «и», ср.: «Прошу прислать кое-что... и нет ли носков».

Яркой и важной составляющей синтаксического уровня в речевом портрете «маленького человека» в рассказах Зощенко являются обращения. В речи персонажей писателя обращения имеют стилистически сниженный характер, часто в функции обращений используются грубо-просторечные и вульгарно-бранные слова, ср.: «Мог бы ты, сукин

сын, родного дядю уважить» (Зощенко. Не надо иметь родственников»); «Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого» (Зощенко. Стакан). Подобных обращений очень много, что свидетельствует о грубости, низком уровне культуры героев рассказов, невоспитанности этих людей.

Однако наряду с обращениями, типа «сукин сын», «дорогая мамаша», «братья мои» и так далее, часто употребляются и псевдоофициальные, ср.: «Вы, товарищ дядя, не сердитесь» (Зощенко. Не надо иметь родственников); «Мне, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать» (Зощенко. Стакан); «Прямо, — говорит, — товарищ докторша, не знал, что с ногами ложиться» (Зощенко. Операция).

Данные обращения являются типичными примерами влияния канцелярита, о чем уже говорилось в данной монографии. Преобладают обращения, типа «товарищ», «гражданин» и производные от них, типа «товарищ дядя», «гражданки женщины» и так далее. При этом «маленький человек» даже не чувствует всей абсурдности подобных конструкций. Он вполне может употреблять такие словосочетания, как «родной родственник», «товарищ докторша». Последнее обращение показывает, как происходит смешение стилей языка в рамках синтаксической конструкции, что очень характерно для героя, пытающегося совместить в своей речи канцелярит новой эпохи с привычным «маленькому человеку» просторечием, использованием слов, имеющих разговорный, грубо-просторечный характер. По мнению академика Л.В. Щербы, «капитальнейшим фактором языковых изменений являются столкновения двух общественных групп, а следовательно, и двух языковых систем, иначе — смешение языков. Процесс сводится в данном случае к тому, что люди начинают говорить на языке, который они еще не знают. Языковой материал, которому они стремятся подражать, — един; языковая система, которая определяет их деятельность, — едина. Поэтому они одинаковым образом искажают в своей речевой деятельности то, чему подражают. Результаты одинаковым образом «искаженной» речевой деятельности, являясь в то же время и языковым материалом, обуславливают резкое изменение языковой системы» (Щерба, 1931).

Спонтанность разговорной речи персонажа подчеркивается неосмысленным употреблением инверсии. Зачастую данный прием не оправдывается художественной целью говорящего, так как в ней отсутствует эстетизм. Заметим, что герой не желает усилить логическое ударение на слове. За пределами художественной речи инверсия является нарушением литературной нормы. Нередко «маленький человек» изменяет порядок следования подлежащего и сказуемого по причине того, что не чувствует интонационных изменений, являющихся следствием подобного изменения, например:

«После этих слов начался кризис, легкий сон и освобождение организма от всякой дряни. И вообще стал поправляться человек» (Зо-

щенко. Мелкота); «Только рано утром, часов, может около шести, продрал свои очи наш Снопков» (Зощенко. Землетрясение); «Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился» (Зощенко. Нервные люди).

Анафора употребляется героем сатирических новелл писателя по различным причинам. Автор стремится усилить эмоциональность, выразительность высказывания, передать своеобразие логики «маленького человека», привлечь внимание читателя на отсутствие у героя языкового чутья: «Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу — заходите. Так я стою» (Зощенко. Землетрясение); «И боли сразу будто ослабли. И сердце ничего себе бьется. И здоровье стало прямо выдающееся» (Зощенко. Четыре дня).

Часто в рассказах Зощенко фраза строится так, будто рассказчик не держит в голове ее целого плана: он начинает фразу, не зная, чем закончит ее, попутно ему приходят в голову новые мысли, фраза обрастает цепью присоединений. Так же строятся абзац, сверхфразовое единство. В качестве средств связи используются многочисленные вводные слова, повторы, что делает речь героя рассказов крайне бедной, невыразительной, ср.:

«...И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком. У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет. Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у нее малютка, на лавке узелок и корзина. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск...» (Зощенко. Происшествие).

В маленьком отрывке существительное «Новороссийск» употреблено 5 раз, «малютка» — 3 раза, «ребенок» — 2 раза, 9 раз используется в разных формах местоимение «она». Также нужно отметить 9 словоупотреблений глагола «ехать» (форма «едет» используется 8 раз). При этом всего в данном отрывке употреблено 104 слова, считая предлоги и другие служебные слова. Из 14 предложений только одно является сложным бессоюзным предложением, остальные конструкции — простые предложения.

Тяжеловесное в стилистическом отношении построение, перенесенное в непосредственно речь рассказчика, предпочитается четкости и стройности отобранных, нормированных конструкций письменной речи. Это один из способов приближения к «народной прозе». В речи героя произведений Зощенко строго ограничено количество способов синтаксической связи: фразы часто начинаются одними и теми же союзами, причем даже внутри этой подчеркнуто узкой группы союзов одни утрированно предпочитают другим, а в начале и в финале фразы такое предпочтение особенно заметно, ср.: «И вот, запомнил, при-

шел в деревню, выбрал хату наиболеею. Зашел. Наймусь, думаю, туда в батраки. Наверное, кормить будут неплохо. А то я сильно отощал. И вот зашел» (Зощенко. Гиблое место). Следует отметить, что наиболее часто используются союз «и», а также сочетания «и вот», «и это», «и что». Подобное начало типично для устной речи, в высказываниях, присоединяемых к предшествующим предложениям.

Подводя итоги рассмотрения синтаксических особенностей речевого портрета героя рассказов Михаила Зощенко, можно сделать несколько основных выводов.

Наиболее частотное употребление в речи «маленького человека» парцеллятов, однокоренных слов — членов простого предложения, что свидетельствует о его неспособности выстроить структурно усложненную конструкцию.

Значительным элементом речевого портрета героя М. Зощенко является использование вводных слов, создающих семантическую избыточность синтаксической конструкции, играющих роль связующих компонентов.

«Маленький человек» в произведениях Зощенко употребляет деепричастные обороты в функции придаточного предложений, что указывает на его языковую некомпетентность.

Персонаж сатирических новелл писателя нередко заменяет местоименно-соотносительные придаточные в составе сложноподчиненных предложений на определительные, нарушая тем самым нормы синтаксиса.

В функции обращений «маленький человек» использует грубо просторечные, вульгарно-бранные слова, что свидетельствует о низком уровне культуры говорящего.

В речи героя сатирика преобладают простые предложения с неоправданным использованием инверсии и анафоры.

Таким образом, необходимо особо подчеркнуть то, что синтаксические средства являются важными в создании речевого портрета «маленького человека» — героя Зощенко. Они выражают предельную бедность словарного запаса говорящего — персонажа рассказов, отсутствие у героя сатирических рассказов языкового чутья, его неумение строить предложения, примитивный уровень мышления героя.

В речи подобного героя в произведениях других авторов вышеуказанные особенности синтаксического уровня языка «маленького человека» отсутствуют или используются писателями достаточно редко по сравнению с рассказами М. Зощенко, в которых нарушения норм синтаксиса литературного русского языка частотны и играют значительную роль в создании речевого портрета персонажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевой портрет «маленького человека» — героя сатирических новелл Михаила Зощенко — представляет собой пеструю и сложную мозаику, вместе с тем складывающуюся в цельную картину. Неслучайно язык героя Зощенко был назван «бисером». В речи героя рассказов писателя собрано и обобщено все то, что являлось наиболее ярким, характерным для представителей общества первых лет советской власти. Вот почему речевой портрет героя сатирических произведений М.М. Зощенко так разительно отличается от речевого портрета «маленького человека» — героя Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Специфика речевого портрета зощенковского героя проявляется на всех уровнях языка — от фонетики до синтаксиса.

Фонетические особенности речи главного героя новелл писателя-сатирика наглядно демонстрируют то, что нарушение норм в этом уровне языка у персонажей рассказов М. Зощенко носит грубопросторечный характер. В речи героя обильно представлены примеры реализации таких фонетических процессов и явлений, как метатеза, замена одних звуков другими, протеза, изменение места ударения, а также просторечное нарушение законов чередования согласных (прием, который следует рассматривать и как своего рода произносительный гиперизм).

Фонетический уровень является важным в плане создания речевого портрета «маленького человека» в рассказах писателя, что подчеркивается графически, отражением на письме различных типов метаплазма в речи героев. Именно данная особенность, ее частота, плотность в текстах является отличительной чертой речевого портрета персонажа Зощенко от речевых портретов «маленького человека» в творчестве других писателей.

Специфичные способы словообразования в текстах произведений писателя представляют собой отступление, нарушения норм словообразования. В речи «маленького человека» интенсивно употребляются оценочные суффиксы, при этом очень часто герой новелл писателя неверно использует аффиксы при образовании слов, что приводит к активному словотворчеству говорящего. Словотворчество можно рассматривать как характерную черту языка персонажей рассказов. Широкий пласт речи «маленького человека» в рассказах М. Зощенко составляют окказионализмы, словообразовательные диалектизмы, элементы просторечия.

Лексика, используемая героем М.М. Зощенко, является яркой характеристикой персонажа. Бесспорно, особенности словарного запаса «маленького человека» как элемент его речевого портрета способствуют точному представлению, характеристике литературного образа, способа его мышления, уровня его культуры, образования.

На лексическом уровне язык «маленького человека» представляет собой богатый арсенал употребления средств разговорной речи. Использование диалектных, просторечных слов, вульгаризмов в речи персонажа характеризует его бескультурье, низкое социальное происхождение. Прием стиливого контраста является ведущим в манере построения речи героя. Перемещение слова или выражения из одного стиля в другой порождает резкий диссонанс, свидетельствующий о неумении говорящего правильно строить свою речь. Этот прием в текстах М. Зощенко реализуется в виде включения канцелярских штампов и других элементов книжной речи в неофициальную разговорную речь. Реже встречается в ней переплетение иностилевой лексики другого рода — высокой, устаревшей, книжно-поэтической.

Частотно употребление иноязычных слов, значение которых неверно трактуется говорящим. Желание героя казаться культурным, образованным, его завышенная самооценка создают комический эффект, поскольку значение многих слов неизвестно герою, иноязычные слова он употребляет просто ради того, чтобы показать себя умнее, чем он есть на самом деле. Резкий комический эффект автор создает при использовании многочисленных нарушений лексической сочетаемости слов в речи героя, малапропической подмены, связанной с незнанием значений паронимов, антонимов. Частотны в речи героя ничем не мотивированные искажение и подмена значений фразеологизмов. Все это приводит к алогичности, абсурдности высказываний «маленького человека» — представителя нового общества новой страны.

Морфологический уровень речевого портрета «маленького человека» у Зощенко также показывает резкое отличие языка героя писателя от речи подобных персонажей в произведениях других авторов. Черты различия обнаруживаются в преобладании в языке героев произведений писателя-сатирика словоформ, противоречащих нормам литературного языка. Своеобразно регулярно употребление им глагольных форм, прежде всего деепричастий вместо личных и причастных форм глагола.

Синтаксис героя Зощенко тоже своеобразен, синтаксические конструкции также являются специфическими чертами речевого портрета «маленького человека» в рассказах писателя. В речи персонажей сатирических новелл Михаила Зощенко частотно употребление парцеллятов, вводных слов, создающих семантическую избыточность синтаксической конструкции, но необходимых герою, т.к. они играют роль связующих компонентов. «Маленький человек» в произведениях Зощенко употребляет деепричастные обороты в функции придаточного предложения, нередко заменяет местоименно-соотносительные придаточные в составе сложноподчиненных предложений на определительные, нарушая тем самым нормы синтаксиса. В функции обращений герой рассказов использует грубо просторечные, вульгарно-

бренные слова, что свидетельствует о низком уровне культуры говорящего, как и преобладание в речи героя сатирика простых предложений с неоправданным использованием инверсии и анафоры.

Глупость и однолинейность мышления, наивность, несдержанность, невоспитанность, отсутствие эстетического вкуса героя рассказов М.М. Зощенко реализуются на всех уровнях языка. Речь героя указывает на неразвитость его мышления и речевых способностей. Типичный для своего времени малокультурный человек, по нашему мнению, в текстах писателя пытается выразить свои мысли эмоционально, понятно для аудитории, подобной ему. Однако ему не удается сделать это эстетично и грамотно.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. *Альфонсов В.* Нам слово нужно для жизни. — М., 1984.
2. *Астафьев А.Ю.* Окказионализмы в рассказах М.М. Зощенко // Русская речь. — 2012. — № 4. — С. 25–26.
3. *Балли Ш.* Французская стилистика. — М., 1961.
4. *Бармин А.Г.* Пути Зощенки // Михаил Зощенко: статьи и материалы / Под ред. *Б.В. Казанского* и *Ю.Н. Тынянова*. — Л.: Academia, 1928. — С. 27–50.
5. *Белая Г.А.* Дон-кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. — М., 1989.
6. *Белая Г.А.* Русская прививка к мировой сатире (Гоголь и Зощенко) // Литература. — 2001. — № 9. — С. 14–15.
7. *Белинский В.Г.* Слово и поэтика. — М., 1952.
8. *Борев Ю.Б.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира. — М.: Искусство, 1970.
9. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. — 1953. — № 5. — С. 3–29.
10. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Лексикология и лексикография. — М., 1977.
11. *Виноградов В.В.* Слова и языковые формы. — М., 1978.
12. *Виноградов В.В.* Язык Зощенки // Михаил Зощенко: статьи и материалы / Под ред. *Б.В. Казанского* и *Ю.Н. Тынянова*. — Л.: Academia, 1928. — С. 51–92.
13. *Вишнякова Т.А.* Некоторые количественные характеристики русской разговорной речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1967.
14. *Влавацкая М.В.* Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слова. — Новосибирск, 2016.
15. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. — М., 1997.
16. *Голубков М.М.* Зощенко как пролетарский писатель. — М., 2002.
17. *Горький М.* О литературе. — М., 1953.
18. *Еришов Л.Ф.* Жизнь и творчество М. Зощенко. — М., 1973.
19. *Ефимов А.М.* Стилистика художественной речи. — М., 1992.
20. *Жолковский А.К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
21. *Зощенко М.М.* Как я работаю // Литературная учеба. — 1930. — № 3. — С. 107–113.
22. *Исаева Л.А.* Языковые особенности рассказов М.М. Зощенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 7(61): в 3 ч. Ч. 3. — С. 93–96.
23. *Колобаева Л.А.* Концепции личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. — М., 1990.

24. *Кренис М.Б.* Техника комического у Зощенко. — Venson (Vt.): Chalidze, 1986.
25. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 1998.
26. *Куляпин А.И.* Творчество Михаила Зощенко: истоки, традиции, контекст. — Барнаул, 2002.
27. *Кучкина О.* Зощенко // Литература. — 1996. — № 42.
28. *Лисина Л.А., Дмитроченко Т.В.* Несобственно-прямая речь в рассказе М.М. Зощенко «Баня» // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира. — 2014. — № 2. — С. 107–110.
29. Лицо и маска Михаила Зощенко. — М., 1994.
30. *Михельсон А.Д.* Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона: создан на основе 3-томного издания. — М.: Си ЭТС: Бука, 2008.
31. *Молдавский Д.М.* Зощенко. — М., 1977.
32. *Орлова Е.И.* О границах критики и филологии («Малая проза» М. Зощенко в оценках критиков и ученых 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. — 2020. — № 1(52). — С. 120–130.
33. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1993.
34. *Пантелеев А.Ф., Долматова А.С.* Имя прилагательное в языке русской поэзии XX века. Второе издание. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019.
35. *Пантелеев А.Ф., Ковтуненко И.В.* Современный русский язык: Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019.
36. *Пантелеев А.Ф., Шейко Е.В.* Современный русский язык: Морфология: учеб. пособие. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2021.
37. *Пантелеев А.Ф.* Фонетический уровень речевого портрета героя сатирических рассказов М.М. Зощенко // Materialy IX Mezinarodni vedecko-prakticka konference «Moderni vymozenosti vedy — 2013». Dil 38. Filologicke vedy. — Praha, 2013. — С. 27–35. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/2_126600.doc.htm.
38. *Подшивалова Е.А.* Чехов и Зощенко: К вопросу о соотношении авторских сознаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 70–74.
39. *Прокуровская Н.А.* Некоторые особенности употребления частицы «вот» в устной разговорной речи // Вопросы стилистики. — Саратов. — Вып. 8. — 1974. — С. 116–120.
40. *Пустовойт В.В.* Значимость слова в создании художественного образа. — М., 1976.
41. Русская диалектология / Под ред. проф. *Н.А. Мещерского*. — М.: Высшая школа, 1972.

42. Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. — М., 1990.
43. *Сарнов Б.* Свифт, принятый за Аверченко // Литература. — 1996. — № 12.
44. *Синяевский А.Д.* Мифы Михаила Зощенко. — М., 1989.
45. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности: учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». — М.: Просвещение, 1974.
46. *Скороспелова Е.Б.* Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х годов. — М., 1979.
47. *Скороспелова Е.Б.* Русская советская проза 20–30-х годов: судьбы романа. — М., 1985.
48. *Слонимский А.Л.* Техника комического у Гоголя. — Петроград: Academia, 1923.
49. *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Часть 3. Синтаксис. Пунктуация: учебное пособие для студентов по специальности «Русский язык и литература». — М.: Просвещение, 1981.
50. *Старков А.М.* Зощенко. — М., 1974.
51. *Сулименко Н.Е.* Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке: дисс. ... докт. филол. наук. — Л., 1983.
52. *Сухих И.Н.* Судьба М. Зощенко // Литература в школе. — 1998, № 5. — С. 54–67.
53. *Томашевский Ю.В.* Исповедь М. Зощенко. — М., 1987.
54. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
55. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. — М.: Дом Славянской кн., 2008.
56. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. — 3-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2008.
57. *Хаззагерев Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика: Курс лекций: Словарь риторических приемов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филология». — 2. изд., перераб. и доп. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
58. *Харитонов Д.* Автор и рассказчик у Зощенко // Литература. — 2001. — № 34. С. 2–3.
59. *Чудакова М.О.* Поэтика Михаила Зощенко. — М.: Наука, 1979.
60. *Чудакова М.О.* Сквозь звезды к терниям: Смена литературных циклов // Новый Мир. — 1990. — № 4. — С. 242–262.
61. *Чудакова М.О.* Художественный стиль. — М., 1978.
62. *Чуковский К.И.* Из воспоминаний: Вспоминая М. Зощенко. — М., 1990.
63. *Шкловский В.Б.* О Зощенке и большой литературе // Михаил Зощенко. Мастера современной литературы. Л.: Academia, 1928.

64. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Памяти учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ // Изв., Отд., 1931. — № 1. — С. 113–129.
65. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. Сборник статей. Л., 1969.
66. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / Авт.-сост. *В. Серов*. — М.: Локид-пресс, 2004.
67. *Яранцев Р.И.* Словарь-справочник по русской фразеологии. — 2-е изд. — М., 1985.
68. *Яновская Л.* Творческий путь М. Зощенко. — М., 1983.
69. *Ярмилов В.Т.* Творчество М. Зощенко. — М., 1980.
70. *Яхияева С.Х.* Стиль речевого комизма в сказе (по материалам рассказов М.М. Зощенко) // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 3(28). — С. 286–289.